

Литературное
чтение

Книга для чтения

2
КЛАСС

АЛМАТЫКІТАП

С.В. Кузнецова, Е.В. Тимошкина

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Хрестоматия для 2 класса
общеобразовательной школы

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Республики Казахстан

БИБЛИОТЕКА
средней школы № 10
г. Омбурта

Алматыкітап баспасы
2009

Кузнецова С.В., Тимошкина Е.В.

Книга для чтения: Хрестоматия для 2 класса 11-летней общеобразовательной школы. – Алматы: Алматыкітап баспасы, 2009. – 148 с., ил.

BN 978-601-01-0181-4

0400-12
00)-09

УДК 373. 167. 1
ББК 83.3 я 72

-601-01-0181-4

© Кузнецова С.В., Тимошкина Е.В., текст, 2009
© ТОО «Алматыкітап баспасы», 2009

Наша Родина – Казахстан

Родина

У. Турманжанов

Вначале Родина – грудь матери,
За ней –
Родной очаг, окрестности аула,
Где ты играл среди трав, среди камней,
Откуда ветром странствий потянуло.

Да, Родина – и дом, где твой родной очаг,
И твой родной народ, в тебе взрастивший сына.
Да, Родина – не только предков солончак,
А синие леса и тихая долина.

Да, Родина от отчего крыльца
Протянется до дальнего причала.
У Родины нет края, нет конца,
Но твой родимый дом – её начало.

Дедушка Алатау

Е. Утетлеуов

Алатау древнее всех.
Даже издали узнаю:
На вершине белеет снег.
Здравствуй, дедушка Алатау!
Величава, седа гора,
В шапке пышной из облаков...

И мудра гора, и добра,
У подножья – море цветов.
Здравствуй, дедушка Алатау!
А в садах здесь на сто ладов
Птицы песни поют с утра.
Звоном солнечных родников
Приглашает в гости гора.
Здравствуй, дедушка Алатау!
Зреют яблоки на ветвях –
Краснобокий, сочный апорт...
Лёд Медео. Каток в горах.
Не один здесь побит рекорд!
Здравствуй, дедушка Алатау!
Поднимусь и увижу с гор
Ширь степей, свет далёких огней.
Казахстана родной простор
Мне с вершины этой видней.
Здравствуй, дедушка Алатау!

О, степь моя!

С. Мауленов

Дастархан у нас, как степь, широк,
Горы высоки и величавы.
Сколь гостеприимен мой народ,
Каждым, кто бывал здесь,
Отмечалось.
Родина,
Любимая земля,
Кланяюсь степям твоим, долинам!
Я бы нежно обнял всю тебя,
Если б великаном стал былинным.
Блеск вершин, безбрежие озёр,
Буйство белых речек;
И без края,
Без конца, куда ни бросишь взор,
Степь лежит –
То мать моя вторая.
Обнимает Каспий и Алтай
Степь моя, великая по праву.
Носятся ветра из края в край,
По земле
Её разносят славу.
Если бы я мог тебя обнять,
Как батыр,
О, степь моя! О, мать!

Закружилась листва золотая...

Улетело лето

Е. Трутнева

Стало вдруг светлее вдвое.
Двор, как в солнечных лучах.
Это платье золотое
У берёзы на плечах.

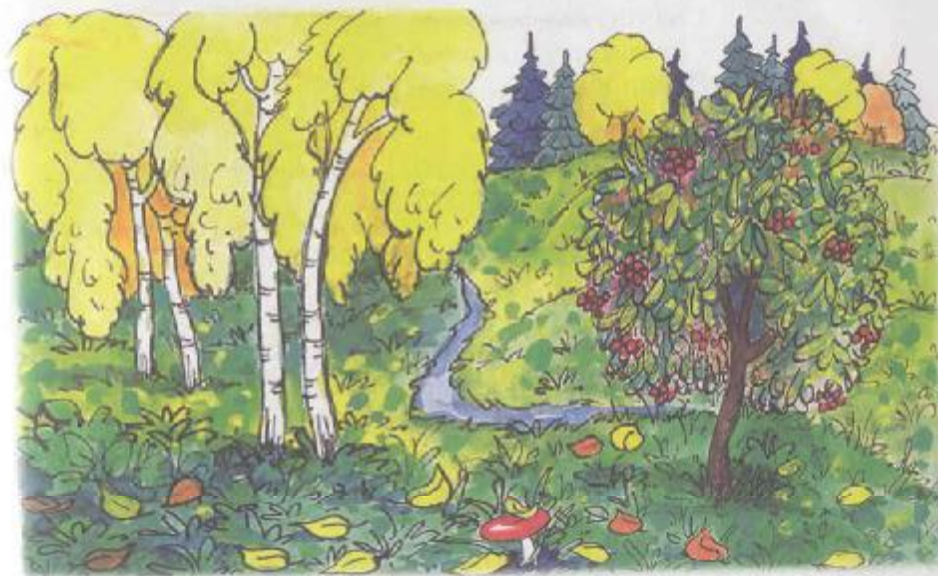
У калины и рябины
Вьются стаями дрозды,
Под окошком георгины
Красотой своей горды.

Утром мы во двор идём,
Листья сыплются дождём,

Под ногами шелестят
И летят, летят, летят.

Пролетают паутинки
С паучками в серединке.
И высоко от земли
Пролетели журавли.

Всё летит: должно быть это
Улетает наше лето.

Осиновый лес

Приглядись хорошенько – как хороша, как красива осина! Особенно хорош осиновый лес в осенние ясные дни. В пурпурно-красный и жёлтый цвет окрашена листва. Цветным чистым ковром расстилаются под деревьями опавшие

листья. Там и тут видны под ними красноватые шапки поздних грибов – подосиновиков. Ещё растут кое-где запоздалые поздние цветы. Шелестит под ногами пожелтевший подорожник, и ещё горчее пахнет в осиновом лесу.

(По И. Соколову-Микитову)

Осень

А. Майков

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Внешнюю леса красу.

С холоду щёки горят.
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлёк.
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;
Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не весит
Пурпур брусничных кистей;

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Улетают, улетели...

Е. Благинин

Скоро белые метели
Снег подымут от земли.
Улетают, улетели,
Улетели журавли.

Не слышать кукушки в роше,
И скворечник опустел.
Аист крыльями полощет –
Улетает, улетел.

Лист качается узорный
В синей луже на воде.
Ходит грач с грачихой чёрной
В огороде по гряде.

Осыпаясь, пожелтели
Солнца редкие лучи,
Улетают, улетели,
Улетели и грачи.

Скучная картина

А. Плещеев

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льётся,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном.
Смотрит деревушка
Сереньким пятном,
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Ещё просит сердце
Света и тепла!

Осень на пороге

Н. Сладков

– Жители леса! – закричал
утром мудрый Ворон. – Осень
у лесного порога, все ли к её
приходу готовы?

Как эхо донеслось из леса:

– Готовы, готовы, готовы...

– А вот мы сейчас проверим! – крикнул Ворон. – Перво-наперво осень холоду в лес напустит – что делать станете?

Откликнулись звери:

– Мы, белки, зайцы, лисички,
в зимние пубы переоденемся!

– Мы, барсуки, еноты, в тёплые норы спрячемся!

– Мы, ежи, летучие мыши, сном беспробудным уснём!

– Мы, перелётные, в тёплые края улетим!

– Мы, оседлые, пуховые телогрейки наденем!

Перво-наперво – в первую очередь.

Оседлые – постоянно проживающие в одном месте.

Листопадничек

И. Соколов-Микитов

Осенью, когда осыпался с деревьев золотой лист, родились у старой зайчихи на болоте три маленьких зайчонка.

Называют охотники осенних зайчат листопадничками. Каждое утро смотрели зайчата, как разгуливают

журавли по зелёному болоту, как учатся летать долговязые журавлята.

— Вот бы и мне так полетать, — сказал матери самый маленький зайчонок.

— Не говори глупости! — строго ответила старая зайчиха. — Разве зайцам полагается летать?

Пришла поздняя осень, стало в лесу скучно и холодно. Стали собираться птицы к отлёту в тёплые страны. Кружат над бо-

лотом журавли, прощаются на всю зиму с милой зелёной родиной. Слышится зайчатам, будто это с ними прощаются журавли:

— Прощайте, прощайте, бедные листопаднички!

Улетели в далёкие страны крикливые журавли. Залегли в тёплых берлогах лежебоки-медведи; свернувшись в клубочки, заснули колючие ежи; спрятались в глубокие норы змеи. Стало ещё скучнее в лесу. Заплакали листопаднички-зайчата:

— Что-то будет с нами? Замёрзнем зимой на болоте.

— Не говорите глупости! — ещё строже сказала зайчиха. — Разве замерзают зайцы зимой? Скоро вырастет на вас густая, тёплая шёрстка. Выпадет снег, будет нам в снегу тепло и уютно.

Успокоились зайчата. Только один, самый маленький листопадничек-зайчонок, никому покоя не даёт.

— Оставайтесь здесь, — сказал он своим братьям. — А я один побегу за журавлями в тёплые страны.

И убежал тихонько из родного гнезда маленький зайчонок искать журавлиные тёплые страны.

Бежал, бежал Листопадничек по лесу, прибежал к лесной речке. Видит, бобры строят на речке плотину. Подгрызут острыми зубами толстое бревно, ветер подует, упадёт дерево в воду.

— Скажите, дяденьки, зачем вы валите такие большие деревья? — спрашивает Листопадничек бобров.

— Мы для того валим деревья, — говорит старый Бобр, — чтобы заготовить на зиму корм и новую хатку поставить для наших маленьких бобряток.

— А тепло в вашей хатке зимой?

— Очень тепло, — отвечает седой Бобр.

— Пожалуйста, возьмите меня в вашу хатку, — просит маленький зайчонок.

Переглянулись Бобр с Бобрихой и говорят:

— Взять тебя можно. Наши бобрятки будут рады. Только умеешь ли ты плавать и нырять?

— Нет, зайцы плавать и нырять не умеют. Но я скоро у вас научусь, буду хорошо плавать и нырять.

— Ладно, — говорит Бобр, — вот наша новая хатка. Она почти готова, осталось только крышу доделать. Прыгай прямо в хатку.

Прыгнул Листопадничек в хатку. А в бобровой хатке два этажа. Внизу, у воды, приготовлен корм для бобряток — мягкие ивовые веточки. Наверху настлано свежее

сено. В уголке на сене сладко-сладко спят пушистые бобрятки.

Не успел хорошенько осмотреться зайчонок, как бобры над хаткой крышу поставили. Один бобр обглоданные палки таскает, другой замазывает крышу илом. Толстым хвостом громко пришлёпывает, как штукатур лопатой. Ходко работают бобры.

Поставили бобры крышу, стало в хатке темно. Вспомнил Листопадничек своё светлое гнездо, старую мать-зайчиху и маленьких братьев.

«Убегу-ка в лес, — думает Листопадничек. — Здесь темно, сыро, можно замёрзнуть.»

Скоро вернулись бобры в свою хатку. Отряхнулись внизу, обсушились.

— Ну как, — говорят, — как ты себя чувствуешь, зайчонок?

— У нас всё очень хорошо, — говорит Листопадничек. — Но мне нельзя здесь долго оставаться. Мне пора в лес.

— Что делать, — говорит Бобр. — Если нужно, ступай. Выход из нашей хатки теперь один — под водою. Если научился хорошо плавать и нырять — пожалуйста.

Сунул Листопадничек лапку в холодную воду:

— Бррр! Ах, какая холодная вода! Уж лучше, пожалуй, у вас на всю зиму останусь, я не хочу в воду.

— Ладно, оставайся, — говорит Бобр. — Мы очень рады. Будешь у наших бобряток нянькой, будешь им корм приносить из кладовой. А мы пойдём на реку работать, деревья валить. Мы — звери трудолюбивые...

Остался Листопадничек в бобровой хатке. За долгую зиму натерпелся зайчонок... Часто вспоминал он своё тёплое гнездо, старую мать-зайчиху.

Песенки

Ласточка, ласточка,
Милая касаточка,
Ты где была,
Ты с чем пришла?
— За морем бывала,
Весну добывала,
Несу, несу весну красну!

Ранним — рано поутру
Пастушок: «Ту-ру-ру-ру!»,
А коровки в лад ему
Затянули: «Му-му-му!».
Ты, коровушка, ступай
В чисто поле погуляй,
А вернёшься вечерком,
Нас напоишь молочком.

Ты, мороз, мороз, мороз,
Не показывай свой нос!
Уходи скорей домой,
Стужу уводи с собой.
А мы саночки возьмём,
Мы на улицу пойдём,
Сядем в саночки-самокаточки.

Потешки

Мыши водят хоровод,
На лежанке дремлет кот.
Тише, мыши, не шумите,
Кота Ваську не будите.
Вот проснётся Васька-кот,
Разобьёт весь хоровод.

Посылали молодицу
Под горушку по водицу,
А водица далеко,
И ведёрко велико.
Наша Катя подрастёт,
Катя силы соберёт,
Станет по воду ходить,
Вёдра красные носить.

Загадки

Чёрненькая собачка,
Свернувшись, лежит.
Не лает, не кусает,
А в дом не пускает.

Я всё знаю, всех учу,
Но сама всегда молчу.

Сидит дед,
Во сто шуб одет.
Кто его раздевает,
Тот слёзы проливает.

Кто на себе дом возит?

В лесу у пня суета, беготня;
Народ рабочий
Весь день хлопочет,
Себе город строит.

Пословицы

Человек без друга, что дерево без корней.

Один в поле не воин.

Птица сильна крыльями, а человек – дружбой.

Скромность красит человека.

Материнская ласка конца не знает.

Поспешись – людей насмешись.

Труд человека кормит, а лень портит.

Семь раз отмерь, а один раз отрежь.

БИБЛИОТЕКА
средней школы № 10
г. Омбасотуа

Девочка и лиса

Русская народная сказка

Жили-были старик со старухой. У них была внучка Алёнушка.

Собрались подружки идти в лес по ягоды и пришли её звать с собой. Долго старики не отпускали внучку. Потом согласились, только наказали ей не отставать от подруг.

Ходят девушки по лесу, собирают ягоды. Деревце за деревце, кустик за кустик — Алёнушка и отстала от подруг. Они аукали её, аукали, а девочка не слышала.

Уже стало темно. Подружки ушли домой. Осталась Алёнушка одна. Влезла на дерево, стала громко плакать, приговаривать:

— Ау, ау, Алёнушка! Ау, ау, голубушка! У дедушки, у бабушки была одна внучка Алёнушка. Её девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

Идёт медведь и спрашивает:

— О чём ты, девочка, плачешь?

— Как мне, батюшка-медведюшка, не плакать! Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой отнесу.

— Нет, я тебя боюсь — ты меня съешь.

Медведь и ушёл от неё. А Алёнушка принялась плакать, приговаривать:

— Ау, ау, Алёнушка! Ау, ау, голубушка!

Идёт волк и спрашивает:

— О чём ты, девочка, плачешь?

— Как мне, волк, не плакать! Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой отнесу.

— Нет, я тебя боюсь — ты меня съешь.

Волк убежал, а девочка опять плачет, причитает:

— Ау, ау, Алёнушка! Ау, ау, голубушка!

Бежит мимо лиса, спрашивает:

— О чём ты, девочка, плачешь?

— Как мне, лисонька, не плакать! Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой отнесу.

Девочка с дерева сошла, села на спину к лисе, и помчалась лиса с ней в деревню.

Прибежала лиса к дому и стала хвостом стучать в калитку.

– Кто там?

– Это я, лиса, принесла вам внучку Алёнушку.

– Ах, ты наша дорогая, войди в избу! Где нам тебя посадить? Чем тебя угостить?

Принесли молока, яиц; не знают, чем лису и потчевать. Наелась лиса и убежала в лес.

Хаврошечка

Русская народная сказка

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли её эти люди, выкормили и работой за-

морили: она и ткёт, она и прядёт, она и прибирает, она и за всё отвечает.

А были у её хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазкой, средняя – Двуглазкой, а меньшая – Триглазкой.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала – и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.

– Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрядь, наткать, побелить и в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

– Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – всё будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет в другое – всё готово: и наткано, и побелено, и в трубы покато.

Отнесёт она холсты к хозяйке. Та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке ещё больше работы задаст.

Хаврошечка опять придёт к коровушке, обнимет её, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмёт, принесёт хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей: – Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди погляди, кто сироте помогает: и ткёт, и прядёт, и в трубы катает.

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на

солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

– Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул! Пока Одноглазка спала, коровушка всё наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так хозяйка ничего не дозналась и послала вторую дочь – Двуглазку.

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди погляди, кто сироте помогает.

Двуглазая пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

– Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила! Коровушка наткала, побелила, в трубы скатала полотно, а Двуглазка всё спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь – Триглазку, а сироте ещё больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поёт:

– Спи, глазок! Спи другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глазка у Триглазки заснули, а третий глядит и всё видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери всё рассказала.

Старуха обрадовалась и приказала мужу:

– Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

– Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

– Режь, да и только!

Делать нечего. Стал старик точить нож. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

– Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

– А ты, красна девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платок завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай!

Старик зарезал коровушку.

Хаврошечка всё сделала, как коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса её в рот не брала, косточки её зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла на них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли – Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек – богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблоки, стал затрагивать девушек:

– Девицы-красавицы, которая из вас мне яблоко поднесёт, та за меня замуж пойдёт.

Три сестры бросились одна перед другой к яблоне.

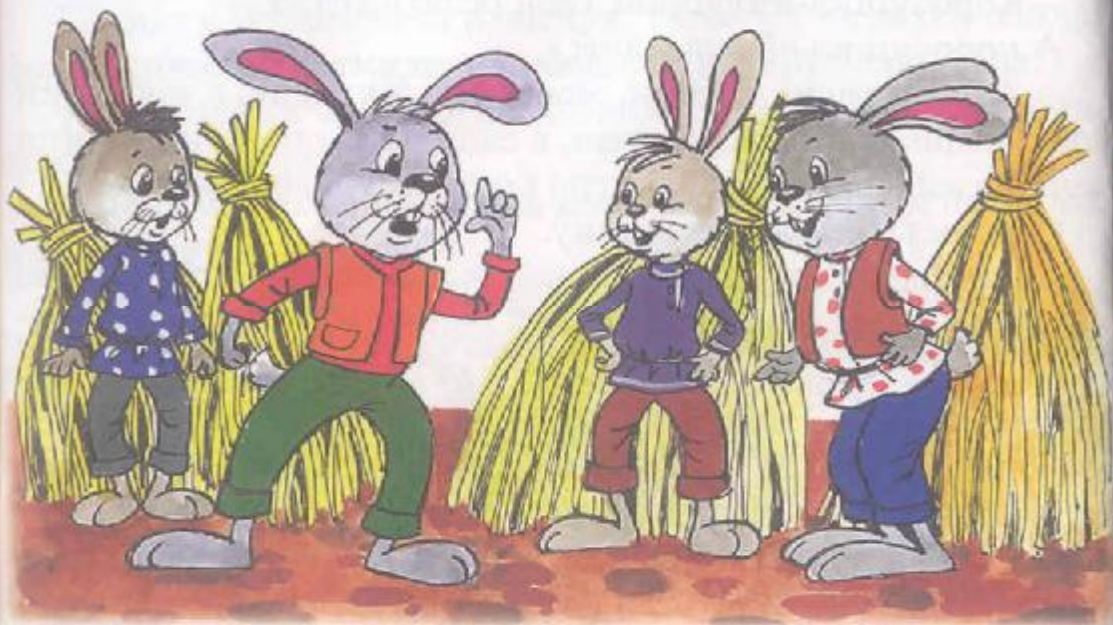
А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сёстры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались – руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка – и веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

Заяц-хвастун

Русская народная сказка

Жил-был Заяц в лесу. Летом жилось ему хорошо, а зимой голодно.

Вот забрался он раз к одному крестьянину на гумно снопы воровать, видит – там уже много зайцев собралось. Он и начал им хвастать:

– У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи, я никого не боюсь!

Пошёл Зайчик опять в лес, а другие зайцы рассказали тётке Вороне, как Заяц хвастался. Полетела Ворона хвастунишку разыскивать. Нашла его под кустом и говорит:

– А ну, скажи, как ты хвастался?

– У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Потрепала его Ворона за ушки и говорит:

– Смотри, больше не хвастай!

Испугался Заяц и обещал больше не хвастать.

Вот сидела раз Ворона на заборе, вдруг собаки набросились на неё и стали трепать. Увидел Заяц, как собаки Ворону треплют, и думает: надо бы Вороне помочь.

А собаки увидели Зайца, бросили Ворону да побежали за зайцем. Заяц быстро бежал – собаки гнались за ним, гнались, совсем выбились из сил и отстали от него.

Сидит Ворона опять на заборе, а Заяц отдышался и прибежал к ней.

– Ну, – говорит ему Ворона, – ты молодец: не хвастун, а храбрец.

Сноп – связка колосьев хлеба.

Гумно – сарай для сжатого хлеба.

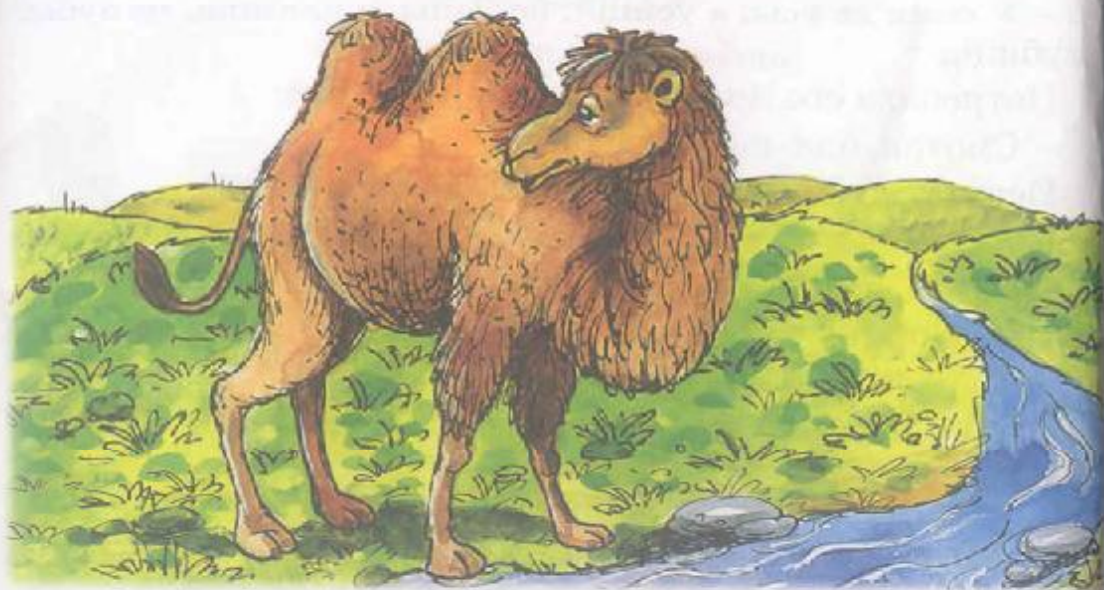
Почему верблюд оглядывается, когда пьёт

Казахская народная сказка

Раньше верблюд был красавцем. У него были ветвистые рога и длинный густой хвост.

Однажды пришёл он к речке напиться. Пьёт верблюд и любуется собой. Вдруг к нему подбегает олень:

– Милый верблюд, мне надо сегодня в гости сходить. Дай мне твои рога на один вечер!

Верблюду отдал оленю рога.

Конь в те времена был бесхвостым. Подбежал он к верблюду и попросил на один день чёрный шёлковый хвост.

Верблюду отдал ему хвост.

Прошло много времени. Не отдают верблюду его рога и хвост.

Когда он напомнил оленю о долге, тот насмешливо ответил:

– Я отдам рога, когда хвост у тебя вырастет до земли.

А конь сказал:

– Я отдам хвост, когда у тебя вырастут рога.

С тех пор верблюду, когда пьёт в реке, всегда оглядывается. Это он ждёт своих должников.

Упрямые козы Узбекская народная сказка

Жили когда-то в разных сёлах две козы: одна была белая, другая – чёрная. И обе они были очень упрямые.

Вот как-то раз отправились эти козы щипать траву: белая на своём пастбище, чёрная – на своём.

Вечером, когда солнце стало садиться, козы наелись досыта и пошли: белая в своё село, чёрная – в своё.

Шли они, шли и сошлись на узкой доске, а доска эта была перекинута через глубокий арык.

Не разойтись козам на доске! Или одной, или другой надо уступить дорогу.

– Эй ты, чёрная, уступи мне дорогу! – закричала белая коза.

– Вот ещё! Буду я тебе дорогу уступать! – крикнула чёрная коза. – Сама мне дорогу уступи!

– До утра буду стоять – с места не сдвинусь.

Долго спорили упрямые козы. Потом затрясли бородами, застучали копытцами – и в драку вступили.

Отошли каждая на три шага, нагнули головы с острыми рогами да как бросятся одна на другую.

Стукнулись они лбами, сцепились рогами, да обе и свалились в арык.

Выбрались козы из арыка и вернулись домой мокрые грязные.

Петух и павлин

Казахская народная сказка

Давным-давно, в незапамятные времена, самым красивым и стройным из всех зверей и птиц был петух. И был он очень горд этим. Вёл себя петух важно, надменно и заносчиво. И ни с кем из зверей и птиц не разговаривал. Только павлин был его единственным другом.

На бедном павлине не было даже мало-мальски приличной одежды. И вот однажды он пришёл к хвастливому петуху и стал упрашивать его:

– Друг мой, я сегодня приглашён в гости. Но у меня нет хорошего наряда. Как идти в таком виде? Ведь те, кто знают, что я твой друг, засмеют меня. Одолжи мне разок твою красивую одежду.

Петух поверил словам друга и отдал ему свою красивую одежду. Павлин нарядился, как следует, и сказал о времени своего возвращения:

– Если я вдруг задержусь, кликни меня. Если и после этого меня не будет, кликни ещё раз, да так, чтобы я услышал твой голос.

Нарядившись в красивую одежду, павлин отправился на той, но долго оттуда не возвращался. Петух принялся кричать, чтобы павлин услышал его, но никакого ответа не было. С той поры и до сих пор петух с рассвета до заката кличет павлина, чтобы получить обратно свою красивую одежду.

Нужда научит

Болгарская народная сказка

У одного дровосека было два сына. Каждый день он ходил в лес рубить дрова и брал с собой сыновей. Дровосек рубил, а они ему помогали. Но вот сыновья выросли. Отец и говорит им:

– Теперь, сынки мои, уж сами идите в лес, а я дома останусь.

Сыновья ему отвечают:

– Отец, а если телега у нас сломается, кто нам её починит?

– Сынки мои, уж если сломается телега или ещё что случится, так нужда вас научит.

Отправились братья в лес. Накололи они дров, сложили их на телегу и поехали домой. А телега по дороге и сломалась. Слезли они с телеги и стали кричать:

– Нужда, иди телегу чинить!

Кричали, кричали, а Нужда всё не идёт. Уж темно стало.

Говорит тогда младший брат:

– Не идёт эта Нужда. Не починить ли её самим?

А старший отвечает:

– Может быть, Нужда далеко ушла и не слышит нас. Давай-ка ещё позовём.

Кричали, кричали, пока не охрипли, а Нужда всё не идёт. Младший брат опять говорит старшему:

– Видишь, темно уже. Может, напрасно мы кричим? Неизвестно, умеет ли Нужда телегу чинить?

Взяли братья топоры: раз-раз, туда-сюда! И починили сами телегу. Вернулись домой, а отец их спрашивает:

– Как доехали, сынки?

А те стали жаловаться:

– Ах, отец, сломалась у нас телега. Звали мы, звали эту Нужду, пока не охрипли, а она так и не пришла. Взяли мы тогда топоры и, как смогли, сами починили.

– Эх, сынки, – сказал отец. – Так это и была Нужда! Вы её звали, а она при вас была. Некому было помочь, вот вы сами и справились. Не зря говорят: нужда учит!

Три дочери

Татарская народная сказка

Жила-была женщина. День и ночь она работала, чтоб накормить и одеть трёх своих дочерей.

И выросли три дочери, быстрые, как ласточки, лицом попожигие на светлую луну.

Одна за одной вышли они замуж и уехали.

Прошло несколько лет. Тяжко заболела старуха-мать, и посылает она к своим дочерям рыжую белочку:

– Скажи им, дружок, чтоб ко мне поспешили.

– Ой! – вздохнула старшая, услышав от белочки печальную весть. – Ой! Я бы рада пойти, да мне надо сначала почистить эти два таза.

– Почистить два таза? – рассердилась белочка. – Та и будь же ты с ними вовек неразлучна!

И тазы вдруг вскочили со стола и обхватили старшую дочь сверху и снизу. Она упала на пол и уползла из дому большой черепахой.

Постучала белочка ко второй дочери.

– Ой! – ответила та. – Я сейчас побежала бы к матери, да очень занята: надо мне к ярмарке холста наткать.

– Ну и тки теперь всю жизнь, никогда не останавливаясь! – сказала белочка.

И вторая дочь превратилась в паука.

А младшая месила тесто, когда белочка постучала к ней. Дочь не сказала ни слова, даже не обтёрла рук, побежала к своей матери.

– Приноси же ты всегда людям радость, моё дорогое дитя, – сказала ей белочка, – и люди будут беречь и любить тебя, и детей твоих, и внуков, и правнуков.

И правда, третья дочь жила много лет, и все её любили. А когда пришла ей пора умереть, она превратилась в золотую пчёлку.

Всё лето день-деньской собирает пчёлка мёд людям, и её передние лапки всегда в сладком тесте. Зато зимою, когда всё вокруг гибнет от холода, пчёлка спит в тёплом улье, а проснётся – ест только мёд и сахар.

Волшебный ларец

Ромашка

Х.К. Андерсен

Вот послушайте-ка!

Дача стояла у дороги за городом. Вы, наверно, видели её? Перед ней – небольшой садик, обнесённый крашеною деревянной решёткой.

Неподалёку от дачи, у самой канавы, росла в мягкой зелёной траве ромашка. Солнечные лучи грели и ласкали её наравне с роскошными цветами, которые цвели на клумбах перед дачей, и наша ромашка росла не по дням, а по часам. В одно прекрасное утро она распустилась совсем – жёлтое, круглое, как солнышко, сердечко её было окружено сиянием ослепительно-белых мелких лучей-лепестков. Ромашку ничуть не волновало, что она такой бедненький, простенький цветочек, которого никто не видит и не замечает в густой траве; нет, она была довольна всем, жадно тянулась к солнцу, любовалась им и слушала, как где-то высоко в небе пел жаворонок.

Ромашка была так весела и счастлива, точно сегодня – воскресенье, а на самом-то деле, был всего только понедельник; пока все дети смирно сидели на школьных скамейках и учились у своих наставников, наша ромашка так же сидела смирно на своём стебельке и училась у ясного солнышка и у всей окружающей природы. Она слушала пение жаворонка, и ей казалось, что

в его громких, красивых песнях звучит как раз то, что таится у неё на сердце; поэтому ромашка смотрела на счастливую птичку с каким-то особым почтением, но ничуть не завидовала ей и не печалилась, что сама не может ни летать, ни петь. «Я ведь вижу и слышу всё!» — думала она. — Солнышко меня ласкает, ветерок целует. Как я счастлива!

В садике цвело множество пышных, гордых цветов и чем меньше они благоухали, тем больше важничали. Пионы так и раздували щёки — им всё хотелось стать побольше роз; да разве в величине дело? Пестрее, наряднее тюльпанов никого не было, они отлично знали это и старались держаться возможно прямее, чтобы больше бросаться в глаза. Никто из гордых цветов не замечал маленькой ромашки, росшей где-то у канавы. Зато ромашка часто заглядывалась на них и думала: «Какие они нарядные, красивые! К ним обязательно прилетит в гости прелестная певунья птичка! Слава богу, что я расту так близко — увижу всё, налюбуюсь вдоволь!». Вдруг раздалось «квир-квир-вит!», и жаворонок опустился... не в сад к пионам и тюльпанам, а прямёхонько в траву, к ней — скромной ромашке! Она растерялась от восторга и просто не знала, что ей делать, как быть!

Птичка прыгала вокруг ромашки и распевала: «Ах, какая славная мягкая травка! Какой миленький цветочек в серебряном платьице, с золотым сердечком!».

Жёлтое сердечко ромашки и в самом деле сияло, как золотое, а ослепительно-белые лепестки отливали серебром.

Она была так счастлива, так несказанно рада. Птичка поцеловала ромашку, спела песенку и опять взвилась в

высшее небо. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка опомнилась от такого счастья. Радостно-застенчиво глянула она на пышные цветы — они ведь видели, какое счастье выпало ей на долю, кому же и оценить его, как не им! Но тюльпаны вытянулись, надулись и покраснели от досады, пионы прямо готовы были лопнуть от злости! Хорошо ещё, что они не умели говорить — досталось бы от них ромашке! Бедняжка сразу поняла, что они не в духе и очень огорчились.

В это время в садике показалась девушка с острым блестящим ножом в руках. Она подошла прямо к тюльпанам и принялась срезать их один за другим. Ромашка так и ахнула. «Какой ужас! Теперь им конец!» Сорвав цветы, девушка ушла, а ромашка порадовалась, что росла в густой траве, где её никто не видел и не замечал. Солнце село, она свернула лепестки и заснула, но и во сне она видела милую птичку и красное солнышко.

Утром цветок опять расправил лепестки и протянул им, как дитя ручонки, к светлому солнышку. В ту же минуту послышался голос жаворонка; птичка пела, но как грустно! Бедняжка попала в западню и сидела теперь в клетке, висевшей у раскрытого окна. Жаворонок пел о просторе неба, о свежей зелени полей, о том, как хорошо и привольно было летать на свободе! Тяжело-тяжело было у бедной птички на сердце — она была в плену!

Ромашке всей душой хотелось помочь пленнице, но как? И ромашка забыла и думать о том, как хорошо было вокруг, как славно грело солнышко, как блестели её серебряные лепестки; её мучила мысль, что она ничем не могла помочь бедной птичке.

Но вот из садика вышли два мальчугана; у одного из них в руках был такой же большой и острый нож, как тот, которым девушка срезала тюльпаны. Они подошли прямо к ромашке, которая никак не могла понять, что им здесь было нужно.

– Вот здесь можно вырезать славный кусок дёрна для нашего жаворонка! – сказал один из мальчуганов и, глубоко вонзив нож в землю, стал вырезать четырёхугольный кусок дёрна; ромашка очутилась как раз в середине его.

– Давай сорвём цветок! – сказал другой мальчик, и ромашка затрепетала от страха: если её сорвут, она умрёт, а ей так хотелось жить! Теперь она могла ведь попасть к бедному пленнику!

– Нет, пусть лучше останется! – сказал первый из мальчиков. – Так красивее!

И ромашка попала в клетку к жаворонку.

Бедняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о железные прутья клетки. А бедная ромашка не умела говорить и не могла утешить его ни словечком. А уж как ей хотелось! Так прошло всё утро.

– Тут нет воды! – жаловался жаворонок. – Они забыли дать мне напиться, ушли и не оставили мне ни капли воды! Здесь такая духота! Ах, я умру, не видать мне больше ни красного солнышка, ни свежей зелени, ни всего мира!

Чтобы хоть немного освежиться, жаворонок глубоко вонзил клюв во влажный прохладный дёрн, увидел ромашку, кивнул ей головой, поцеловал и сказал:

– И ты пропадёшь здесь, бедный цветок! Тебя да этот клочок зелёного дёрна – вот что дали мне взамен всего мира! Каждая травинка должна стать для меня теперь

зелёным деревом, каждый твой лепесток – благоухающим цветком. Увы! Ты только напоминаешь мне, чего я лишился!

«Ах, чем бы мне утешить его!» – думала ромашка, но не могла шевельнуть ни листочком и только всё сильнее и сильнее благоухала. Жаворонок заметил это и не тронул цветка, хотя повиципал от жажды всю траву.

Вот и вечер пришёл, а никто так и не принёс бедной птичке воды. Тогда она распустила свои коротенькие крылышки, судорожно затрепетала ими и ещё несколько раз жалобно пропицала:

– Пить! Пить!

Потом головка её склонилась набок, и сердечко разорвалось от тоски и муки.

Ромашка также не могла больше свернуть своих лепестков и уснуть, как накануне: она была совсем больна и стояла, грустно повесив головку.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидев мёртвого жаворонка, горько-горько заплакали. Затем вырыли ему могилку и всю её украсили цветами, а самого жаворонка положили в красивую красненькую коробочку – его хотели похоронить по-царски! Бедная птичка! Пока она жила и пела, они забыли о ней, дали ей умереть от жажды в клетке, а теперь устраивали ей пышные похороны и проливали над её могилкой горькие слёзы!

Дёрн с ромашкой был выброшен на пыльную дорогу; никто и не подумал о ней, а она больше всех любила жаворонка и всем сердцем пыталась его утешить.

Благоухали – приятно пахли.

Дёрн – густо заросший травой верхний слой почвы.

Золотой ключик, или Приключения Буратино

(отрывок)

А. Толстой

Наутро Буратино проснулся весёлый и здоровый, как ни в чём не бывало.

Девочка с голубыми волосами ждала его в саду, сидя за маленьким столом, накрытым кукольной посудой.

Оглянула деревянного мальчишку с головы до ног, поморщилась. Велела ему сесть за стол и налила в крошечную чашечку какао.

Буратино сел за стол, подвернув под себя ногу. Миндальные пирожные он запихивал в рот целиком и глотал не жуя.

В вазу с вареньем залез прямо пальцами и с удовольствием их обсасывал.

Когда девочка отвернулась, чтобы бросить несколько крошек пожилой жужелице, он схватил кофейник и вынул всё какао из носика.

Поперхнулся, пролил какао на скатерть.

Тогда девочка сказала ему строго:

– Вытащите из-под себя ногу и опустите её под стол. Не ешьте руками, для этого есть ложки и вилки.

От возмущения она хлопала ресницами.

– Кто вас воспитывает, скажите, пожалуйста?

– Когда папа Карло воспитывает, а когда никто.

– Теперь я займусь вашим воспитанием, будьте покойны.

«Вот так влип!» – подумал Буратино.

На траве вокруг дома носился пудель Артемон за маленькими птичками. Когда они садились на деревья, он задира голову, подпрыгивал и лаял с подвыванием.

«Здорово птиц гоняет», – с завистью подумал Буратино.

От приличного сиденья за столом у него по всему телу ползли мурашки.

Наконец мучительный завтрак окончился. Девочка велела ему вытереть с носа какао. Оправив складочки и бантики на платье, взяла Буратино за руку и повела в дом – заниматься воспитанием.

А весёлый пудель Артемон носился по траве и лаял; птицы, нисколько не боясь его, весело свистали; ветерок весело летал над деревьями.

– Снимите ваши лохмотья, вам дадут приличную куртку и штанишки, – сказала девочка.

Четверо портных – мастер-одиночка, угрюмый рак Шепталло, серый Дятел с хохолком, большой жук Рогач и мышь Лизетта – шили из старых девочкиных платьев красивый мальчишеский костюм. Шепталло кроил, Дятел клювом протыкал дырки и шил, Рогач задними ногами сучил нитки, Лизетта их перегрызала.

Буратино было стыдно надевать девочкины обноски, но пришлось всё-таки переодеться. Сопя носом, он спрятал в карман новой куртки четыре золотые монеты.

– Теперь сядьте, положите руки перед собой. Не горбитесь, – сказала девочка и взяла кусочек мела. – Мы займёмся арифметикой... У вас в кармане два яблока...

Буратино хитро подмигнул:

– Врёте, ни одного...

– Я говорю, – терпеливо повторила девочка, – предположим, что у вас в кармане два яблока. Нёкто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?

– Два.

– Подумайте хорошенько.

Буратино сморщился – так здорово подумал.

– Два...

– Почему?

– Я же не отдам Нёкту яблоко, хоть он дерись!

– У вас нет никаких способностей к математике, – с огорчением сказала девочка. – Займёмся диктантом.

Она подняла к потолку хорошенькие глаза.

– Пишите: «А роза упала на лапу Азора». Написали? Теперь прочтите эту волшебную фразу наоборот.

Нам уже известно, что Буратино никогда даже не видел пера и чернильницы.

Девочка сказала: «Пишите», – и он сейчас же сунул в чернильницу свой нос и страшно испугался, когда с носа на бумагу упала чернильная клякса.

Девочка всплеснула руками, у неё даже брызнули слёзы.

– Вы гадкий шалун, вы должны быть наказаны!

Она высунулась в окошко:

– Артемон, отведи Буратино в тёмный чулан!

Благородный Артемон появился в дверях, показывая белые зубы. Схватил Буратино за курточку и, пятясь, потащил в чулан, где по углам в паутине висели большие пауки. Запер его там, порычал, чтобы хорошенько напугать, и опять умчался за птичками.

Девочка, бросившись на кукольную кружевную кровать, зарыдала оттого, что ей пришлось поступить так жестоко с деревянным мальчиком. Но если уж взялась за воспитание, дело нужно довести до конца.

Буратино ворчал в тёмном чулане:

– Вот дура девчонка... Нашлась воспитательница, подумаешь... у самой фарфоровая голова, туловище, ватой набитое...

В чулане послышался тоненький скрип, будто кто-то скрежетал мелкими зубами:

– Слушай, слушай...

Он поднял испачканный в чернилах нос и в темноте различил висящую под потолком вниз головой летучую мышь.

– Тебе чего?

– Дождись ночи, Буратино.

– Тише, тише, – шуршали пауки по углам, – не качайте наших сетей, не отпугивайте наших мушек...

Буратино сел на сломанный горшок, подпёр щеку. Он был в переделках и похуже этой, но возмущала несправедливость.

– Разве так воспитывают детей?.. Это мученье, а не воспитание... Так не сиди, да так не ешь... Ребёнок, может, ещё букваря не освоил, – она сразу за чернильницу хватается...

А кобель, небось, гоняет за птицами, – ему ничего...

Летучая мышь опять пискнула:

– Дождись ночи, Буратино, я тебя поведу в Страну Дураков, там ждут тебя друзья – кот и лиса, счастье и веселье. Жди ночи.

Было ли, не было – жил на свете царь. Объявил этот царь по всей своей стране:

– Кто сумеет так мне соврать, что я скажу: «Да, это ложь!», – тому отдам полцарства.

Приходит один пастух и говорит:

– Долгие лета тебе, царь! У моего отца была такая дубинка, что он, бывало, поднимет её и до самого неба достаёт – все звёзды в нём перемешает.

– Всякое случается, – отвечает царь. – У моего деда была такая трубка – одной рукой в зубах её держит, а другою от солнышка прикуривает.

Пастух почесал в затылке и ушёл.

Приходит портной:

– Прости меня, царь, – говорит он, – я ещё вчера должен был прийти, да задержался. Дождь вчера лил, гроза гремела, небо молниями разорвало, пришлось мне отправиться его зашивать.

– Очень хорошо ты поступил, – отвечал царь, – только некрепко зашил, утром опять дождило.

И этот ушёл ни с чем.

Является крестьянин-бедняк. Под мышкой у него большая мера.

– Эй, человек, чего тебе надо? – спрашивает царь.

– Ты должен мне меру золота, вот я за ним и пришёл.

– Меру золота?! – удивился царь. – Лжёшь ты, не должен я тебе золота.

– Ну, а коли я лгу, отдавай мне обещанные полцарства.

– Нет, нет, – спохватился царь, – ты правду говоришь.

– Что ж, если правду сказал, насыпай меру золота.

Отчего и почему?

Это очень интересно

Ю. Мориц

Это очень интересно, —
От кого река бежит?
Это очень интересно, —
Что в трамвае дребезжит?
Почему скворец поёт?
Почему медведь ревет?
Почему один в берлоге,
А другой в гнезде живёт?
Это очень интересно, —
Кто деревья посадил?
Кто придумал крокодилу
Это имя Крокодил?
Кто назвал Слоном слона?
Это очень интересно, —
Кто сазану и фазану
Дал такие имена?
Это очень интересно, —
Поглядеть на муравья,
Это очень интересно, —
Как живёт его семья?
Нелегко живётся ей,
Потому что меньше кошки,
Меньше мухи, меньше мошки,
Всех он меньше, муравей!
Это очень интересно, —
Где ночует стрекоза?

Это очень интересно, —
Почему молчит коза?
Это очень интересно, —
В барабан ли бьёт гроза?
Это, это же чудесно,
Что у всех, у всех детей
И у всех, у всех людей
На лице живут глаза!

Почему попугай говорит?

Д. Родари

Попугай не говорит, то есть не высказывает вслух мыслей. Просто у него по-особому устроены голосовые связки, и он умеет довольно точно подражать звукам человеческого голоса, который слышит, живя в неволе.

Впрочем, люди-попугай
Тоже попадают:
Хоть без умолку болтают,
Мысли не рождаются.

Для чего нужны слёзы?

Д. Родари

Я постараюсь ответить тебе в двух словах. Немножко слёз нужно каждому. Слёзы промывают наши глаза, унося прочь крохотные пылинки, попадающие в них из воздуха.

Ну, а разным плаксам слёзы нужны в очень большом количестве, чтобы без конца реветь по пустякам.

Самые знаменитые слёзы на свете – это крокодиловы слёзы. Ты, наверное, кое-что уже слышал о них – они ведь, как-никак, вошли в поговорку. А если ты о них ещё не слышал, то прочти вот эти стихи. И тогда ты сам поймёшь, стоит лить такие слёзы или не стоит. И можно им верить или нельзя!

Текла река с названием – Нил,
И в ней плескался крокодил.

А крокодил тот был престранный –
Он был и хищный, и гуманный.
Любого друга и соседа
Он, не чинясь, тащил к обеду.

Бывало, кончится обед,
А гостя почему-то нет...

Хозяин ел кого попало –
Гиену, волка и шакала,
Вато, когда обед кончался,
Хозяин в слёзы ударялся.

Его слезам почти поверя,
Издали кричали звери:

– Эй, дядя, полно убиваться!
Ты камышом начни питаться!
Обжора отвечал уныло:

– Ох, доброта меня сгубила!
Я всех позвал бы на обед,

Но аппетита больше нет...
Я ваши семьи разлучил! –

И разрыдался крокодил.

(Перевод Ю. Ильина)

Вот ещё одна сказка, и в ней я хочу рассказать, откуда взялся на спине у Верблюда такой большой горб.

В самые первые годы, давно-давно, вся земля была новенькая, только что сделанная. Животные с первых же дней стали служить Человеку. Но в Ужасно-Унылой Пустыне жил Ужасно-Унылый Верблюд, который и не думал работать. Он ел сухие колючки, жёсткие ветки, тамариск, терновник и кору, но работать ни за что не хотел – такой бессовестный бездельник и лентяй! И что бы ни говорили ему, он на всё отвечал:

– Гррб!

Только «Гррб» – больше ничего.

Вот однажды, в понедельник утром, пришёл к нему Конь. На спине у коня было седло, в зубах уздечка.

– Верблюд, о, Верблюд! – Ступай к Человеку и начни бегать рысью, как мы.

– Гррб! – ответил Верблюд, а Конь пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого к Верблуду пришёл Пёс. В зубах у него была палка. Он пришёл и сказал:

– Верблюд, о, Верблюд! – Иди к Человеку и научись ходить вместе с ним на охоту, как мы.

– Гррб! – ответил Верблюд, а Пёс пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вскоре после этого пришёл к Верблуду Бык. На шее у Быка было ярмо. Он сказал:

– Верблюд, о, Верблюд! Иди к Человеку и паши землю, как мы.

– Гррб! – ответил Верблюд, а Бык пошёл к Человеку и рассказал ему всё.

Вечером Человек позвал Коня, Пса и Быка и сказал:

– Конь, Пёс и Бык, мне очень вас жалко (ведь мир был совсем ещё новенький!), но зверь, который кричит «Гррб» в той Пустыне, не способен ни к какой работе, а то бы он давно пришёл ко мне. Пусть себе живёт в своей Пустыне, я не трону его, но вам придётся работать вдвойне – и за себя, и за него.

Тогда Конь, Пёс и Бык очень рассердились (ведь мир был ещё очень новый!). Они отправились к самому краю Пустыни и стали громко обсуждать, что им делать, и лаяли, и ржали, и мычали. К ним подошёл Верблюд – бесовестный бездельник и лентяй – и, лениво пережёвывая сухую траву, стал насмехаться над ними. Потом он сказал: «Гррб» и удалился.

Мимо по дороге мчался в туче пыли Джинн, Владыка Всех Пустынь (джинны всегда путешествуют так, потому что они чародеи). Он остановился поболтать с Конём, Псом и Быком.

– Владыка Всех Пустынь! – сказал Конь. – Кто имеет право бездельничать, если мир такой новый и в нём так много работы?

– Никто, – ответил Джинн.

– А вот, – сказал Конь, – в твоей Ужасно-Унылой Пустыне живёт Ужасно-Унылый Зверь, с длинной шеей, с длинными ногами, который с самого утра, с понедельника, не подумал взяться за работу. Не желает бегать рысью – ни за что!

– Фью! – свистнул Джинн. – Да это мой Верблюд, клянусь золотом Аравийской земли! Что же он говорит?

– Он говорит одно слово: «Гррб», – сказал Пёс. – «Гррб» и больше ничего. И не желает помогать Человеку охотиться.

– А что ещё он говорит? – спросил Джинн.

– Больше ничего, только «Гррб», и не желает пахать, – ответил Бык.

– Отлично! – воскликнул Джинн. – Пожалуйста, подождите минутку, я сейчас покажу ему «Гррб».

Он завернулся в свой плащ из пыли и помчался в Пустыню. Там он нашёл Верблюда. Тот стоял и любовался своим отражением в луже – бесовестный лентяй и бездельник.

– Мой лукавый длинноногий друг, – сказал Джинн, – я слышал, что ты не желаешь работать в нашем новом-новехоньком мире. Что это значит?

– Гррб! – ответил Верблюд.

Джинн сел на песок и, опершись подбородком на руку, принялся колдовать, а Верблюд стоял и как ни в чём не бывало любовался своим отражением в луже.

– Конь, Бык и Пёс работали с самого утра, с понедельника, и работали больше, чем надо, оттого, что ты такой бесовестный лентяй и бездельник, – сказал Джинн.

И он опять оперся рукой о подбородок и продолжал колдовать.

– Гррб! – повторил Верблюд.

– И как тебе не надоест это слово? Который раз ты повторяешь его? Бесовестный лентяй и бездельник, я хочу, чтобы ты стал работать!

– Гррб! – повторил Верблюд.

И вдруг спина, которой он так гордился, начала у него пухнуть, и пухла, и пухла, и у него вздулся огромный твёрдый горб.

– Полюбуйся! – сказал Джинн. – Это тот самый «Гррб», о котором ты постоянно твердишь. Он вырос у тебя оттого, что ты бесовестный лентяй и бездельник. Работа началась

с понедельника, сегодня четверг, а ты до сих пор ещё не принялся за работу. Но теперь ты начнёшь работать!

— Как же я буду работать, если у меня огромный Гррб? — спросил Верблюд.

— А это тебе в наказание! — ответил Джинн. — За то, что ты прогулял трое суток. Но теперь ты можешь работать три дня без всякой пищи, потому что ты будешь есть свой собственный Горб. Жил же ты три дня одним только «Гррб». После этого, я надеюсь, ты не станешь говорить, что я о тебе не забочусь. А теперь уходи из Пустыни, ступай к Коню, Псу и Быку и смотри: веди себя хорошо.

И пошёл Верблюд со своим горбом к Коню, Псу и Быку. И до сих пор он таскает на спине свой горб (мы не говорим уже «Гррб», мы говорим «горб», чтобы не обидеть Верблюда), и до сих пор он не может навестать те три дня, которые он прогулял вначале, когда земля была новая, и до сих пор он не может научиться, как нужно себя правильно вести.

(Перевод К. Чуковского)

Почему кошка умывается

М. Алимбаев

Сказка

В забытые нами
Давно времена
Жила-была серая кошка одна.
Обычная, в общем-то, кошка.
Весь день, дожидаясь куска колбасы,
Она языком умывала усы
И зорко глядела в окошко.

И в этом же доме,
У тех же людей,
Жил-был
Неизвестный один воробей,
Обычный такой воробышко...
Весь день вокруг дома
Он с писком скакал.
И зёрнышки клювом, где мог, подбирал.
И этим был сыт —
Но не слишком...

А кошка,
Следя за худым воробьём,
Всё мыла и мыла себя.
А потом
Шла в угол, к наполненной плошке.
Ах, в те позабытые нами года
Не смели к столу ни за что, никогда
Сойти неумытыми кошки!

Подобных привычек
Не знал воробей:
Он попросту жил.
Без особых затей —
В навозе, случалось, копался.
Когда ж начиналась
Большая жара,
Он в пыль залезал посередине двора
И в ней, под окном,
Бултыхался.

Таких чудаков уже нету давно.
...Когда только прыгнула кошка в окно,

Свою он заметил оплошку
И тотчас
Рванулся из крепких когтей.
Но что мог поделывать худой воробей,
Попавший в объятия кошки?

Не мёртвый ещё,
Но уже не живой,
Лежал он,
Наказан жестокой судьбой,
Не смея сказать и словечка.
Всё ближе и ближе
Сверкали клыки
И глубже впивались в бока коготки.
Всё тише стучало
Сердечко...

Минута –
И перья вокруг полетят,
И примут воробушка
Рай или ад.

Но тут воробей встрепенулся,
Не мёртвый ещё, но уже не живой,
Тряхнул
Удалою своей головой
И кошке
В слезах улыбнулся.

И вот что воробушек кошке сказал...
(Неглуп воробей был, хоть ростом и мал.)
– Послушай, – сказал он, – сестрица.
Ты так торопилась
Ко мне на обед,
Что даже забыла
Про свой туалет –
А надо б сначала умыться!

Да,
В давние,
Давние те времена,
Когда под столом появлялась еда –
В тарелочке, миске иль чашке, –
Все кошки на свете
Для пущей красоты
Себе язычком умывали усы
И лапками
Тёрли мордашки.

– Ах, – кошка мяукала. –
Что ж это я?
Что скажут соседи, что скажут друзья? –
И когти взяла и разжала.

И, волю почуяв,
Вспорхнул воробей
И с ветки на ветку
Запрыгал злодей.
Опять
Как ни в чём не бывало.

Так было.
А может быть, вовсе не так.
И что там за кошка
Попала впросак –
Теперь нам уже не дознаться...
А всё-таки странно, что этот народ
Не знает порядка: поест и попьёт,
А после – идёт умываться!

Что красивей всего?

Б. Заходер

*Ребёнок спросил
Ни с того ни с сего:
– А ну-ка скажи,
Что красивей всего?*

Да, вот так вопрос:
«Что красивей всего?»,
Ответить
Я сам не сумел на него.
И вот я решил
Послушать ответы
Других обитателей
Нашей планеты.

Деревья и Травы
Сказали в ответ:
– Да что же прекрасней,
Чем солнечный свет?!
– Да что же прекрасней
Ночной темноты?! –
Откликнулись Совы,
Сычи и Кроты...

– Леса!.. –
Отвечали мне
Волк и Лиса,
Орёл свысока процедил:
– Небеса!

– По-моему, море! –
Ответил Дельфин.
– Мой хвост, без сомнения! –
Крикнул Павлин.

Спрошу Мотылька –
Отвечает: – Цветок!
Спрошу у Цветка –
Говорит: – Мотылёк!

Кто славит поля,
Кто – полярные льды,
Кто – горы, кто – степь,
Кто – мерцанье звезды...
А мне показалось,
Что все они правы.

Все: Звери и Птицы,
Деревья и Травы...
И я не ответил,
Увы,
Ничего
На трудный вопрос:
«Что красивей всего?»

Скрут

С. Чёрный

- Кто живёт под потолком?
- Гном.
- У него есть борода?
- Да.
- И манишка и жилет?
- Нет...
- Как встаёт он по утрам?
- Сам.
- Кто с ним утром кофе пьёт?
- Кот.
- И давно он там живёт?
- Год.
- Кто с ним бегают вдоль крыш?
- Мышь.
- Ну, а как его зовут?
- Скрут.
- Он капризничает, да?
- Ни-ког-да!..

Что это было?

Д. Хармс

Я шёл зимою вдоль болота
В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронёсся кто-то
На металлических
Крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки,
И долго думал, сняв очки:
«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»

Где спит рыбка

И. Токмакова

Ночью темень. Ночью тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?
Лисий след ведёт к норе,
След собачий – к конуре.

Белкин след ведёт к дуплу,
Мышкин – к дырочке в полу.
Жаль, что в речке, на воде,
Нет следов твоих нигде.
Только темень, только тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

О чём грустят кораблики?

В. Лунин

О чём грустят кораблики
От суши вдалеке?
Грустят, грустят кораблики
О мели на реке,

Где можно на минуточку
Присесть и отдохнуть,
И где совсем ни чуточки
Не страшно утонуть.

Я и мои товарищи

Букет цветов

Во дворе школы шумели ребята. Они ждали учителя. У всех школьников в руках были букеты цветов, портфели. Только Аня забыла свои цветы дома. Лена спросила:

– У тебя дома нет цветов?

– Я забыла взять их, – ответила Аня.

Лена дала ей цветок из своего букета.

– Держи! Мой цветок красивый.

Аня взяла. Но глаза у неё были невесёлые. Тогда Иван протянул ей свой букет.

– Бери у меня!

– И у меня возьми! – сказала Оля.

– Я тебе дам белый цветок, – сказал Вася.

– И я!

– Возьми!

У Ани получился хороший букет. Он был лучше того, который она забыла дома.

(По Г. Георгиу)

Под грибом

Сказка

Шёл сильный дождь. Куда муравью спрятаться? Увидел он маленький грибок, добежал до него и спрятался под его шапкой. Сидит под грибком – ждёт. А дождь идёт всё сильнее и сильнее.

Приползла к грибу бабочка.

– Муравей, муравей, пусти меня под грибок! Лететь не могу!

Пустил муравей бабочку. А дождь идёт сильно.

Бежит мышка.

– Пустите меня под грибок! Вода с меня так и течёт.

– Как же мы пустим тебя? Тут и места нет.

Потеснились немножко – пустили и мышку под грибок.

Скачет воробей и плачет.

– Лететь не могу, устали крылышки. Пустите меня под грибок!

Потеснились – и воробья пустили.

Прибежал зайчик и кричит:

– Спрячьте меня! За мной лиса бежит!

И зайчику нашли место.

Только спрятали зайца, лиса прибежала.

– Зайца не видели? – спрашивает лиса.

– Не видели.

Махнула лиса хвостом и ушла.

Тут и дождь прошёл. Вышли все из-под гриба – радуются. А муравей говорит:

– Как же так? Почему же раньше мне одному под грибом места мало было, а теперь всем места хватило?

– Ква-ха-ха! Ква-ха-ха! – засмеялся кто-то.

Все посмотрели: на шапке гриба сидела лягушка.

– Эй, вы! Гриб-то...

Не досказала и ускакала. Посмотрели все на гриб и догадались, почему всем места хватило.

Как вы думаете, почему?

(По В. Сутееву)

Мой мяч

Е. Пермяк

Ну до чего хороший мяч прислал дедушка из Москвы своему внуку Алику! Не наглядится Алик. Уж такой-то красивый мяч, что и рассказать невозможно.

Половина мяча синяя-синяя, как небо в ясный день. Другая половина красная-красная, как летняя заря. Поясок у мяча золотистый-золотистый. А весь он такой блестящий, что в нём и окошки, и электрические лампочки, и Аликово лицо отражаются, как в зеркале.

Величиной мяч с арбуз. Даже больше арбуза. Все любят мячом. Гладят мяч, как щенка или кролика.

— Осторожнее, — просит Алик. — Лак сотрете. Он потускнеет и не будет блестеть.

— А для чего же тогда нужен мяч, если его даже трогать нельзя?

— Мало ли для чего, — ответил Алик. — Он в сетке может висеть над моей кроватью. Мой мяч, и я любоваться им буду.

Долго ребята уговаривали Алика поиграть с ними красивым мячом. Разные игры предлагали. Интересные. И Алику тоже хотелось поиграть, да мяч жалко.

Вот так и висел мяч в сетке на стене. Долго висел и отражал в себе Аликово лицо. А тот только пыль стирал тряпочкой. Не играл мячом. Лак жалел.

А время шло и шло. Как-то посмотрел Алик на мяч и заметил, что весь он в тонких трещинах.

— Мама, что это с ним?

Мама посмотрела на мяч и сказала:

— Никак, пересох он в комнате.

Тогда Алик решил протереть мяч водой. Умыть. А от этого ещё хуже стало. Лаковая плёночка мяча начала скручиваться мелкими чешуйками и шелушиться. Но, на счастье, дедушка приехал из Москвы. Дедушка умный. Он может хороший совет дать. Посмотрел дед на мяч, потрогал его, а мяч как пустой кошель. Воздух из него через трещинки вышел. Порасспросил дед у внука, как тот обращался с мячом. И когда рассказал Алик всё как есть, дед покачал головой. Потом почему-то вздохнул и сказал: — Долго прожил твой мяч, да зря жил. Никому радости не принёс, а мог бы...

Тут дед умолк. И Алик умолк. И мы умолкнем. Потому что говорить больше не о чем, а подумать есть над чем.

Два товарища

Л. Толстой

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а дру-

гой остался на дороге. Делать ему было нечего – он упал на землю и притворился мёртвым.

Медведь подошёл к нему и стал нюхать; он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл.

Когда медведь ушёл, товарищ слез с дерева и смеётся: «Ну, что, – говорит, – медведь тебе на ухо говорил?».

– А он сказал мне, что плохие люди те, которые в опасности от товарищей убегают.

До первого дождя

Таня и Маша были дружны и всегда ходили в школу вместе.

Один раз, когда девочки шли по улице, начался сильный дождь. Маша была в плаще, а Таня – в одном платье. Девочки побежали.

– Снимай свой плащ, мы накроемся вместе! – крикнула Таня.

– Я не могу, я промокну! – ответила ей Маша.

В школе учительница сказала:

– Как странно у Маши платье сухое, а у тебя, Таня, мокрое. Как же это случилось? Ведь вы шли вместе?

– У Маши был плащ, а я шла в одном платье, – сказала Таня.

– Так вы могли бы накрыться одним плащом, – сказала учительница. – Видно ваша дружба до первого дождя.

Обе девочки покраснели: Маша за себя, а Таня за Машу.

(По В. Осеевой)

Подружки

Н. Артюхова

Галя Серебрякова и Маруся Ильина встретились, как всегда, у ворот, и вместе пошли в школу. Синее безоблачное небо над широкой улицей. В садах и скверах – осеннее золото листьев. Девочки шли, крепко держась за руки; поэтому Маруся Ильина несла портфель в левой руке, а Галя Серебрякова – в правой. А портфели были твёрдые, блестящие, с необмятыми краями – казалось, что их долго и старательно утюжили мамы вместе с коричневыми платьями, белыми воротничками и чёрными фартуками девочек.

Галя Серебрякова громко читала вывески и надписи, которые попадались навстречу:

– «Бу-лоч-ная», «Стой-те», «Ки-но», «Мо-ло-ко», «Ре-монт о-бу-ви»...

Прошуршал по серому асфальту голубой блестящий троллейбус. Быстро промчался, а всё-таки Галя успела прочесть:

– «Са-до-во-е коль-цо».

– Как ты хорошо читаешь! – сказала Маруся. Галя ответила с гордостью:

– Я ещё в прошлом году научилась!

Маруся вздохнула:

– А я не умею такое трудное...

Все классы в школе были одинаковые, но самым лучшим, разумеется, был первый «А». Все учительницы в школе были разные. Самой лучшей, разумеется, была Ольга Андреевна.

Вот она вошла в класс, весёлая, молодая, приветливая, и сразу захотелось ответить ей как можно лучше.

Ольга Андреевна заглянула в журнал и сказала:

– Читай, Ильина.

Маруся покраснела, раскрыла букварь и начала читать, старательно, по буквам выговаривая каждое слово.

На пятой строчке запнулась и покраснела ещё больше.

Галя подняла руку. Тёмные глаза стали совсем круглыми, как будто выпрыгнуть хотели, и умоляли учительницу: «Меня, меня спросите!».

Ольга Андреевна улыбнулась:

– Серебрякова, дальше читай. Захлёбываясь от удовольствия, Галя прочла всю страницу от начала до конца, даже то, что ещё не было задано на сегодня.

Ольга Андреевна опять улыбнулась и сказала:

– Хорошо.

Галя села за парту и радостно подумала: «Пятёрку поставит!».

На следующем уроке девочки писали.

Ольга Андреевна ходила по рядам и заглядывала в тетради.

– Ольга Андреевна, – сказала Галя, – вот у неё здесь ошибка. – Она ткнула пальцем в Марусину тетрадь. – Нужно «о», а она написала «а».

Ольга Андреевна посмотрела на Галю, но почему-то не улыбнулась на этот раз.

– Конечно, «о», – сказал она. – Поправь, Маруся.

Галя несла портфель в правой руке, и Маруся тоже в правой. Обе левые руки были свободны – девочки шли не за руку, а каждая сама по себе.

Маруся шла грустная, не поднимая глаз. Гале тоже было невесело.

Золотые буквы горели над дверями магазинов. Галя не обращала на них внимания. Проезжали мимо нарядные голубые троллейбусы! Галя не читала номера и надписи.

Девочки молча вошли во двор и повернули – одна направо, другая налево.

Мама спросила Галю:

– Ну, как дела?

– Пятёрка по чтению, – мрачно ответила Галя. Утром мама расчёсывала короткие курчавые Галины волосы и завязывала бант потуже, а Галя терпела и морщилась.

– Собирайся, Галя, – сказала мама. – Вон подружка твоя уже тебя поджидает.

Галя бросилась к окну.

У ворот мелькнули светлые косички и знакомое серенькое пальто в клетку. Нет, Маруся не ждала. Она поспешно вышла на улицу, даже не взглянув на Галины окна.

Галя сбежала с лестницы.

Не догнать! Маруся уже на углу стоит, собирается улицу переходить.

Галя знала по себе, что переходить улицу одной страшновато: уж очень она широкая. Сегодня, впрочем, Галя беспокоилась не за себя, а за Марусю. Улица такая большая, а Маруся такая маленькая, да ещё торопится.

Когда Галя вошла в класс, Маруся уже сидела за партой и разбирала тетрадки.

– Здравствуй, – сказала Галя.

Галя сказала: «Здравствуй», а Маруся ясно услышала: «Не сердись».

– Здравствуй, – не поднимая глаз, ответила Маруся. А Галя в этом «здравствуй» услышала совсем другие слова: «Обидела ты меня».

В самом начале урока Ольга Андреевна спросила:

– Ну-ка, девочки, кто сегодня выучил хорошо и может прочесть до конца всю страницу?

Галина рука сама взлетела над партой и сама сейчас же опустилась. Галя увидела, что Маруся тоже поднимает руку, правда, совсем ещё не высоко, робко и нерешительно. Из всех рук в классе Ольга Андреевна выбрала именно эту, самую медленную руку. Маруся читала гораздо лучше, чем вчера, должно быть, наизусть выучила. Только она слишком торопилась, как будто боялась, что её перебьют, не дадут договорить. От этой спешки перепутала строчки в самом конце – вместо одного слова прочла другое – и остановилась, смущённая.

Гале так хотелось поправить, что она обеими ладонями зажала себе рот. Удержалась всё-таки.

Ольга Андреевна улыбнулась чуть-чуть и сказала:

– Не спеши, Маруся, подумай и скажешь правильно. Маруся подумала и очень хорошо, с выражением даже, прочитала последние две строчки.

– Молодец! – похвалила Ольга Андреевна. А Галя зашептала:

– Пятёрку тебе поставила, пятёрку, я видела!

Девочки возвращались домой, крепко держась за руки.

Это был удивительный день. Совсем не жалко и не грустно было смотреть, как облетают осенние листья.

Осень – это конец года, но ведь для девочек эта осень была только началом.

Маруся и Галя шли медленно и останавливались около каждой вывески. Сначала Маруся называла буквы, потом Галя говорила всё слово целиком.

А когда дошли до угла и остановились у перехода, Маруся посмотрела на загоревшиеся маленькие зелёные буквы, пошевелила губами... И вдруг прочитала, громко и радостно, не по буквам уже, а сразу всё слово:

– «Иди-те!».

Заячьи слёзы

Русская народная сказка

Заячья доля – горькие слёзы.

У всякого зверя есть своя защита: у медведя – могучие лапы, у волка – крепкие зубы, у быка и барана – рога. А у зайца одна защита – длинные ноги да заячьи горькие

слёзы. От всякого зверя терпит заяц. Ни покоя ему, ни сытости. Научила зайца нужда свой след путать, крутить-цеплять. Только охотник Никитов знает, как распутывать хитрые заячьи петли.

Жил как-то, поживал в лесу заяц-белячок Вася. Построил Вася под ёлкой избушку, еловой корой покрыл. Для красоты посадил на крышу берестяного петушка.

А проходила мимо избушки лиса Лечея-Плачея. Заметила лиса дымок: заяц печку топит, стучит в оконце.

– Кто там? – спрашивает заяц.

– Ох, ох, ох! Это я, Лечея-Плачея. Иду с дальней дороги, ноженьки попритёрла, намочил меня дождик. Пусти, дружок, обогреться, хвост обсушить!

– Пожалуйста, заходи, грейся! – говорит заяц. Вошла лиса в заячью избушку, присела на лавку, протянула через всю избушку хвост – зайцу ступить некуда. Уж кое-как устроился под порогом.

Лиса ночь проспала и днём не уходит. Собрался заяц утром печку топить, а лиса ему:

– Ух, зайчище, поворотиться не умеешь! Уж очень много вас, зайцев, в лесу развелось! Уходи, косой, покудова цел!

Вышел из своей избушки заяц, заплакал. Идёт он по лесу, горько плачет, а навстречу ему старый пёс Полкан.

– Здравствуй, Вася! Что так горько плачешь?

– Ах, Полканушка, как не плакать? Была у меня избушка под зелёной ёлкой. Жил я, поживал, никого не трогал. А проходила мимо лиса Лечея-

Плачея, попросила обсушиться. Пустил я лису, а теперь сам не рад: выгнала меня лиса из моей избушки.

И того горше заплакал заяц.

– Не горюй, не плачь, Васенька! – говорит Полкан зайцу. – Помогу тебе выгнать лису.

Подошли они к избушке. Встал Полкан на завалинку:

– Гав, гав, гав! Уходи, лиса, из зайцевой избушки!

А лиса отвечает за стеной голосом волчьим:

– У-у-у!.. Как выскочу, как выпрыгну – пойдут клочки по закоулочкам!..

Испугался Полкан, говорит зайцу:

– Ну, Вася, видно, у тебя в избушке не лиса, а сам серый волк засел. У меня зубы старые, мне волка не одолеть. Не гневайся на меня, я пойду.

– Что мне гневаться, – говорит заяц. – И на том спасибо. Пошёл Полкан своей дорогой, а заяц присел на пенёк, опять горько плачет.

А проходил лесом баран.

– О чём, Вася, плачешь?

– Дорогой друг, барашка, – говорит заяц, – как мне не плакать? Была у меня избушка под зелёной ёлкой, пустил я обсушиться лису, а теперь сам не рад: выгнала меня лиса из моей избушки.

– Эта беда не беда! – говорит баран. – Помогу тебе выгнать лису. Подошли они к избушке. Поднялся баран на приступочку:

– Бэ-э-э!.. Бэ-э-э! Уходи, лиса, из заячьей избушки!

Отвечает лиса за стеной голосом волчьим:

– У-уу!.. Как выскочу, как выпрыгну – пойдут клочки по закоулочкам!

Испугался баран, говорит зайцу:

– Видно у тебя в избушке сам серый волк живёт. Мне с волком плохо тягаться. Не гневайся на меня, Вася, я своей дорогой пойду.

– Что мне гневаться, – отвечает заяц, – и на том спасибо. Убежал баран в лес, а заяц выскочил на полянку, присел под кусточек, опять плачет горько.

А ходил по полянке весёлый петушок Петя, собирал зёрнышки, клевал червяков. Увидел петушок зайца:

– Эй, зайнышка, о чём горько плачешь?

– Ах, Петя-петушок, как не плакать? Была у меня избушка под зелёной ёлкой, пустил я лису обогреться, а теперь не рад: выгнала меня лиса из моей избушки!

– Есть о чём, Вася, плакать! – говорит петух. – Я лису прогоню. Вытирай слёзы, иди за мной!

– Нет, Петя, не выгонишь ты лису, – плачет заяц. – Полкан гнал – не выгнал, баран гнал – не выгнал. Где же тебе, петуху, выгнать лису!

– А если не выгоню, так сама уйдёт!

Подошли они к избушке. Взлетел на крышу петух, захлопал крыльями, громко запел:

– Ку-ка-ре-ку-у!

Солнышко встало.

Встаёт охотник Микитов,

Берёт ружьё,

Идёт в лес

Добывать лису!

Ку-ка-ре-ку-у!

Как услышала про охотника Микитова лиса – с печки долой да из избы вон! Чуть не сбила зайца с ног.

А заяц привёл петуха в избушку, накормил, напоил, у себя жить оставил. И остались они друзьями на весь звериный век. Иной раз и всплакнёт заяц, а петух его утешает. Заячьи слёзы, как у маленьких ребятков, поплакал, и нет их!

Снежок

З. Александрова

Снежок порхает, кружится,
На улице бело.
И превратились лужицы
В холодное стекло.
Где летом пели зяблики,
Сегодня – посмотри! –
Как розовые яблоки,
На ветках снегири.
Снежок изрезан лыжами,
Как мел, скрипуч и сух,
И ловит кошка рыжая
Весёлых белых мух.

Снег и скрипка

В. Хмельницкий

Снег беззвучно опускался на дома и деревья.
Снег садился на открытые форточки – как воробей,
только не чирикал.
Сидя на форточке, снег болтал ногами, а так как спинки у форточки не было, часто падал вниз... хватаясь за воздух растопыренными снежинками.
И вот однажды, когда снег привычно сидел на форточке, до него донеслись звуки скрипки.
Нельзя сказать, что он не слышал их раньше, но сейчас...
«Ах, как чудесно! – подумал снег. – Если бы я тоже так умел!»
И он стал учиться...
Это пока снег только скрипит.

Снежинка

В. Нестеренко

Снежинка быстро кружится –
Январский ветер скор.
А платице – что кружево,
Смотри, какой узор.
Но вот она снижается.
Я слышу шёпот: «Ой,
Кончается, кончается
Последний танец мой...»

Зимний лес

И. Соколов-Микитов

В тихий зимний день выйдешь в лес на лыжах – дышишь и не надышишься. Под деревьями лежат глубокие чистые сугробы. Стволы молодых берёз согнулись под тяжестью инея. Тяжёлые шапки белого снега покрыли тёмно-зелёные ветки больших и маленьких елей. Нет-нет, да и сорвётся такая белая шапка и рассыплется лёгкой серебристой пылью. На высоких вершинах елей много лиловых шишек. С весёлым свистом качаются на этих шишках красногрудые клесты.
Идёшь по зимнему лесу и любишься, и слушаешь тонкие звуки. Вот где-то застучал по стволу дятел. Вот сорвался с ветки рябчик. А вот белка теребит на вершине спелую шишку.
Невидимой жизнью полнится зимний лес. От дерева к дереву тянутся лёгкие следы белок, маленькие следочки

лесных мышей и птиц. Но не все могут наблюдать жизнь зимнего леса. Нужно быть внимательным. Нужно уметь ходить тихо, слушать и останавливаться. Только тогда откроется вам вся чудесная красота спящего зимнего леса.

Зима в лесу

А. Дуйсенбиев

Последние птицы на юг улетели,
Последние листья опали с берёз,
Опять закружили по лесу метели,
И первый, несильный, ударил мороз.
И сразу посыпались снега охапки
С тяжёлого неба,
Белы и густы.
И, вздрогнув, по брови надвинули шапки
Продутые северным ветром кусты.
И белые шали
Набросили ели,
И белые шубы
Осины надели,
А клён-великан
Облачился в чапан,
Как виды выдавший
Заправский чабан.
Лиса пробежала рысцой, неторопко,
Хвостом заметая следы на бегу, –
И вот обозначилась первая тропка
На первом,
Блестящем и рыхлом снегу.

Промчались куда-то к лохматому дубу
Трусливые зайцы, сменившие шубу,
И скрылись за ним
Средь сугробов сырых
Так быстро, как будто и не было их...
Но время пришло,
И затих снегопад,
Всю землю одевший
В пушистый наряд.
И стало просторно в лесу и светло,
И даже,
Как это ни странно,
Тепло...

Чапан – халат.

Заправский чабан – настоящий пастух.

Неторопко – неторопливо.

Лесная кормушка

В. Чаплина

Слава с мамой недавно переехали в один из новых районов города. Их квартира была на самом последнем – двенадцатом этаже. Славе нравилось, что они живут так высоко. Подойдёшь к окну – всё видно, что кругом делается: и краны новостроек, и каток, и лес, который начинался почти сразу за их домом.

В этот лес и ходил Слава на лыжах. В лесу тихо-тихо. Идёшь – только снег под лыжами поскрипывает, а остановишься – тут сразу все звуки лесные услышишь. Вот где-

то сверху попискивают невидимые синицы, одиноко стучит дятел.

Слава ходил в лес всегда одной и той же дорожкой. У него были свои друзья, и он сразу же после школы приходил их кормить.

Кормушку для птиц Слава смастерил сам и устроил её на большой берёзе. Сделал он её очень просто: взял от ящичка доньшко, укрепил в развилке дерева, а чтобы еду не засыпало снегом, устроил из фанеры крышку. Хорошая получилась для птиц столовая, просторная.

Первыми появлялись всегда синицы. Следом прилетал поползень. Он никогда не пропускал время кормёжки. Он

даже не ждал, пока Слава положит в кормушку семечки. Выхватывал их прямо из рук мальчика и стремительно улетал с добычей.

Покормив любимца, Слава отходил в сторону и ещё долго наблюдал за птицами, за их поведением. Синицы больше всего любили сало. Они сразу же слетались к нему, но клевали всегда по очереди.

Прошёл декабрь, затем январь; наступил февраль с его вьюгами, метелями, морозами. Слава знал, что в этом месяце птицам приходится особенно трудно. Давно обклевали они те семена, что оставались с осени на деревьях и на кустах. Да и с земли, покрытой глубоким снегом, трудно достать еду. Голодно в этом месяце птицам, а голодной птице морозный день – это смерть. Вот почему Слава даже в непогоду шёл кормить своих питомцев.

Суд над Декабрём

Н. Сладков

Собрались на озере птицы и звери Декабрь судить. Уж очень все от него натерпелись.

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

– День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Засветло теперь и червячка заморить не успеешь. Кто за то, чтобы осудить Декабрь за такое самоуправство?

– Все, все, все! – закричали все. А Филин вдруг говорит:

– Я против! Я в ночную смену работаю, мне, чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

– В Декабре скучица в лесу – ничего весёлого не происходит. Того и гляди от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скуку осудить?

– Все, все, все! – опять закричали все. А из полыньи вдруг высовывается Налим и булькает:

– Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе готовлюсь? И настроение у меня, и аппетит. Я с вами не согласен.

Поморгал Ворон глазами, но судит дальше:

– Снега в Декабре очень плохие: сверху не держат, и до земли не дороешься. Измучились все, отощали. Кто за то, чтобы Декабрь вместе с плохими снегами из леса выставить?

– Все, все, все! – кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули головы из-под снега и бормочут:

– Нам в рыхлом снегу спится здорово: скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

– Судили, рядили, – говорит, – а что с Декабрём делать – неизвестно. Оставлять или выгонять? Опять закричали все:

– А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

– Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся!..

Лыжня и пенёк

С. Михалков

Я шёл по снежной целине,
Легко и трудно было мне.
И за спиною у меня
Ложилась свежая лыжня.

Через полянки, по кустам,
На горку здесь, под горку там —
Я шёл на лыжах полчаса.
И вдруг услышал голоса!
И вижу: справа от меня —
Другая свежая лыжня...

И я подумал: «Догоню»
И перешёл на ту лыжню.
Я встал на новую лыжню —
И вышел я к большому пню...
Опять бегу я по кустам,
На горку здесь, под горку там —
И выхожу к тому же пню,
На ту же самую лыжню...
И так весь день!
И так весь день!
Лыжня и пень!
Лыжня и пень!

Ну что за хитрая лыжня:
Весь день дурачила меня!

Санки

М. Алимбаев

Мороз трещит, пурга кружит,
И солнце светит ярко!
Дружок от холода дрожит,
А мне так даже жарко!
Такие санки у меня,
Что не замёрзнешь с ними!

Лечу на них в сверканье дня
Тропинками крутыми!
Обрывист, крут у сопки скат —
Лечу без остановки!
Потом опять тащу назад
Я санки на верёвке.
Не санки — аргамак лихой!
Мы все ветра обгоним!
Промчимся горною тропой!
Ускачем от погони!
И снова санки вверх везу,
Вперёд без передышки!
Чего стоите там, внизу?
За мной, друзья-мальчишки!
Охота, что ли, вам дрожать,
Бочком прижавшись к вязу?
Лишь стоит санки оседлать —
Они согреют сразу!

Сопка — небольшая гора.
Аргамак — конь.

С. Маршак

Знаешь ли ты, сколько месяцев в году?

Двенадцать.

А как их зовут?

Январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И ни разу ещё не бывало так, чтобы февраль пришёл раньше, чем уйдёт январь, а май обогнал бы апрель.

Месяцы идут один за другим и никогда не встречаются.

Но люди рассказывают, будто в горной стране Богемии была девочка, которая видела все двенадцать месяцев сразу.

Как же это случилось?

А вот как.

В одной маленькой деревушке жила злая и скупая женщина с дочкой и падчерицей. Дочку она любила, а падчерица ничем не могла ей угодить. Что ни сделает падчерица – всё не так, как не повернётся – всё не в ту сторону.

Была зима. Шёл январь месяц. Снега намело столько, что от дверей его приходилось отгрести лопатами, а в лесу на горе деревья сто-

яли по пояс в сугробах и даже качаться не могли, когда на них налетал ветер.

Люди сидели в домах и топили печки.

В такую-то пору под вечер злая мачеха приоткрыла дверь, поглядела, как метёт вьюга, а потом вернулась к тёплой печке и говорит падчерице:

– Сходила бы ты в лес да набрала бы там подснежников. Завтра сестрица твоя именинница.

Посмотрела на мачеху девочка: шутит она или вправду посылает её в лес? Страшно в лесу теперь, да и какие среди зимы подснежники? Раньше марта месяца они не появлялись на свет, сколько их не ищи. Только пропадёшь в лесу, увязнешь в сугробах.

А сестрица говорит ей:

– Если пропадёшь, так плакать о тебе никто не станет. Ступай, да без цветов не возвращайся. Вот тебе корзинка.

Заплакала девочка, закуталась в рваный платок и вышла из дверей.

Ветер ей снегом глаза порошит, платок с неё рвёт. Идёт она, еле ноги из сугроба вытягивает.

Всё темнее становится кругом. Небо чёрное, а земля чуть светлее.

Вот и лес. Тут уж совсем темно – рук своих не разглядишь. Села девочка на заваленное дерево и сидит. Всё равно, думает, где замерзать.

И вдруг далеко меж деревьев сверкнул огонёк. Будто звезда среди ветвей запуталась.

Поднялась девочка и пошла на этот огонёк. Тонет в сугробах, через бурелом перелезает. «Только бы, – думает, – огонёк не погас!» А он не гаснет, он всё ярче горит. Уже дымом запахло, и слышно стало, как потрескивает в огне хворост.

Девочка прибавила шагу и вышла на полянку, да так и обмерла.

Светло на полянке, точно от солнца. Среди полянки большой костёр горит – чуть ли не до самого неба достаёт. А вокруг костра сидят люди – кто поближе к огню, кто подальше. Сидят и тихо беседуют.

Смотрит на них девочка и думает: «Кто же они такие?». На охотников будто не похожи, на дровосеков ещё того меньше: вон они какие нарядные – кто в серебре, кто в золоте, кто в зелёном бархате». Стала она считать – насчитала двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое совсем ещё мальчики. Молодые у самого огня сидят, а старики поодаль.

И вдруг обернулся один старик, самый высокий, самый бородатый, и поглядел в ту сторону, где стояла девочка.

Испугалась она, хотела убежать, да поздно. Спрашивает её старик громко:

– Ты откуда пришла? Что тебе здесь нужно?

Девочка показала свою пустую корзинку и говорит:

– Нужно мне набрать в эту корзинку подснежников.

Засмеялся старик:

– Это в январе-то подснежников? Вон чего выдумала!

– Не я это выдумала, – отвечает девочка, – прислала меня сюда за подснежниками моя мачеха и не велела без цветов домой возвращаться.

Тут все двенадцать поглядели на неё и стали между собой переговариваться.

Стоит девочка, слушает, а слов не понимает, будто это не люди разговаривают, а деревья шумят.

Поговорили они, поговорили и замолчали.

А высокий старик опять обернулся и спрашивает:

– Что же ты делать будешь, если не найдёшь подснежников? Ведь они раньше марта месяца и не выглянут.

– В лесу останусь, – говорит девочка. – Буду марта месяца ждать. Уж лучше в лесу замёрзнуть, чем домой без подснежников вернуться.

Сказала это и заплакала.

И вдруг из двенадцати самый молодой, в шубке на одном плече, встал и подошёл к старику.

– Братец Январь, уступи мне на час своё место.

Погладил свою длинную бороду старик и говорит:

– Я бы уступил тебе, да не бывает Марту прежде Февраля.

– Ладно уж, – проворчал другой старик, весь лохматый, с растрёпанной бородой. – Уступлю, я спорить не стану!

– Ну, будь по-вашему, – сказал Январь.

Он стукнул о землю своим ледяным посохом и выговорил:

Не трещите, морозы,
В заповедном бору,
У сосны, у берёзы
Не грызите кору!

Полно вам вороньё
Замораживать,

Человечье жильё
Выхолаживать!

Замолчал старик, и тихо стало в лесу. Перестали потрескивать от мороза деревья, а снег стал падать густо, большими мягкими хлопьями.

– Ну, теперь твой черёд, братец, – сказал Январь и отдал посох меньшему братцу, лохматому Февралю.

Тот стукнул посохом, замотал головой и загудел:

Ветры, бури, ураганы,
Дуйте, что есть мочи!
Вихри, вьюги и бураны,
Разыграйтесь к ночи!

В облаках трубите громко,
Вейтесь над землёю!
Пусть бежит в полях позёмка
Белою змеёю!

И только он это сказал, как зашумел в ветвях буйный мокрый ветер. Закружились мокрые хлопья, понеслись по земле белые вихри.

А Февраль отдал свой ледяной посох младшему брату и сказал:

– Теперь твой черёд, братец Март.

Взял младший брат посох и ударил им о землю.

Смотрит девочка: а это уже не посох, это большая ветка, вся покрытая почками.

Усмехнулся Март и запел звонко, во весь свой мальчишеский голос:

Снег теперь уже не тот –
Потемнел он в поле.
На озёрах треснул лёд,
Будто раскололи.
Облака бегут быстрей,
Небо стало выше,
Зачирикал воробей
Веселей на крыше.
Всё чернее с каждым днём
Стёжки и дорожки,
И на вербах серебром
Светятся серёжки.
Разбегайтесь, ручьи!
Растекайтесь, лужи!
Вылезайте, муравьи,
После зимней стужи!
Пробирается медведь
Сквозь лесной валежник.
Стали птицы песни петь,
И расцвёл подснежник.

Девочка даже руками всплеснула. Куда делись высокие сугробы? Где ледяные сосульки, что висели на каждой ветке? Под ногами у неё мягкая весенняя земля. Кругом каплет, течёт, журчит. Почки на ветвях надулись, и уже выглядывают из-под тёмной кожуры первые зелёные листочки.

Глядит девочка, наглядеться не может.

– Чего же ты стоишь? – говорит ей Март. – Торопись, нам с тобой всего часок братья мои подарили.

Девочка очнулась и побежала в чащу подснежники искать. А их видимо-невидимо. Под кустами и под камнями, на кочках и под кочками – куда ни поглядишь.

Набрала она полную корзинку, полный передник – и скорее опять на полянку, где костёр горел, где двенадцать братьев сидели. А там уж ни костра, ни братьев нет. Светло на поляне, да не по-прежнему. Не от огня свет, а от полного месяца, что взошёл над лесом.

Пожалела девочка, что поблагодарить ей некого, и побежала домой.

А месяц за ней поплыл.

Не чуя под собой ног, добежала она до своих дверей и чуть вошла в дом, как за окошком опять загуляла зимняя вьюга, а месяц спрятался в тучи.

– Ну что? – спросили её мачеха и сестра. – Уже домой вернулась? А подснежники где?

Ничего не ответила девочка, только высыпала из передника на лавку подснежники и поставила рядом корзинку.

Мачеха и сестра так и ахнули.

– Да где же ты их взяла?

Рассказала им девочка всё, как было. Слушают они обе и только головами качают – верят и не верят. Трудно поверить, да ведь вот на лавке целый ворох подснежников – свежих, голубеньких. Так и веет от них мартом месяцем.

Переглянулись мачеха с дочкой и спрашивают:

– А больше они тебе ничего не дали.

– Да я больше ничего и не просила.

– Вот дура так дура! – говорит сестра. – В кои-то веки со всеми двенадцатью месяцами встретила, а ничего, кроме подснежников, не выпросила. Ну, будь я на твоём месте, я бы знала, чего просить. У одного – яблок да груш сладких, у другого – земляники спелой, у третьего – грибов беленьких, у четвёртого – свежих огурчиков.

– Умница, доченька, – говорит мачеха. – Зимой землянике да грушам цены нет. Продали бы мы всё это и сколько бы денег выручили! А эта дурочка подснежников натаскала! Одевайся, дочка, потеплее, да сходи на полянку. Тебя-то они не проведут, даром, что их двенадцать, а ты одна.

– Где им! – ответила дочка, а сама руки в рукава, платок на голову.

Мать ей вслед кричит:

– Рукавички надень, шубу застегни!

А девочка уже за дверью. Убежала в лес.

Идёт по сестриним следам, торопится. «Скорее бы, – думает, – до полянки добраться».

А лес всё гуще, всё темней. Сугробы всё выше, бурелом стеной стоит.

«Ох, – думает мачехина дочка, – и зачем только я в лес пошла! Лежала бы сейчас дома в тёплой постели, а теперь ходи да мёрзни. Ещё пропадёшь тут!»

И только она это подумала, как увидела вдальке огонёк, точно звёздочка в ветвях запуталась. Пошла она на огонёк, шла, шла и вышла на полянку. Посреди полянки большой костёр горит, а вокруг костра сидят двенадцать братьев, двенадцать месяцев. Сидят и тихо беседуют.

Подошла мачехина дочка к самому костру, не поклонилась, приветливого слова не сказала, а выбрала место, где жарче, и стала греться.

Замолчали братья-месяцы. Тихо стало в лесу. И вдруг стукнул Январь месяц посохом о землю.

– Ты кто такая? – спрашивает. – Откуда взялась?

– Из дому, – отвечает мачехина дочка. – Вы нынче моей сестре целую корзинку подснежников дали. Вот я и пришла по её следам.

– Сестру твою мы знаем, – говорит Январь месяц, а тебя и в глаза не видали. Ты зачем к нам пожаловала?

– За подарками. Пусть Июнь месяц мне земляники в корзину насыплет, да покрупней. А Июль месяц – огурцов свежих и грибов белых, а месяц Август – яблок да груш сладких, а Сентябрь месяц – орехов спелых.

– Погоди, – говорит Январь месяц. – Не бывает лету перед весной, а весне перед зимой. Далеко ещё до Июля месяца. Я теперь в лесу хозяин, тридцать один день здесь царствовать буду.

– Ишь какой сердитый! – говорит мачехина дочка. – Да я не к тебе пришла. От тебя кроме снега да инея ничего не дождёшься. Мне летних месяцев надо.

Нахмурился Январь месяц.

– Ищи лета зимой! – говорит.

Махнул он широким рукавом – и поднялась в лесу метель от земли до неба. Заволокла и деревья, и полянку, на которой братья-месяцы сидели. Не видно стало за снегом и костра, а только слышно было, как свистит где-то огонь, потрескивает, полыхает.

Испугалась мачехина дочка.

– Перестань! – кричит. – Хватит!

Да где там!

Кружит её метель, глаза ей слепит, дух перехватывает. Свалилась она в сугроб, и замело её снегом.

А мачеха ждала-ждала свою дочку, в окошко смотрела, за дверь выбегала – нет её, да и только. Закуталась она потеплее и пошла в лес. Да разве найдёшь кого-нибудь в такую метель и темень!

Ходила она, ходила, искала-искала, пока и сама не замёрзла. Так и остались они обе в лесу лета ждать.

А падчерица долго на свете жила, большая выросла, замуж вышла и детей вырастила.

И был у неё, рассказывают, около дома, сад, да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки да груши. В жару было там прохладно, в метель тихо.

– У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят, – говорили люди.

Кто знает – может, так оно и было.

Бурелом – лес, поваленный бурей.

Хворост – сухие ветки деревьев.

Посох – длинная палка.

В снежной стране

Ф. Тютчев

Чародейкою зимою
Околдован лес стоит,
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.
И стоит он, околдован,
Не мертвец и не живой –
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мечет
На него свой луч косой –
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

Чародейка – волшебница.
Мечет – метит.

Пороша

С. Есенин

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
И над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

Берёза

С. Есенин

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Снежный зайчик

В. Сутеев

День был тёплый, снег был мокрый. Вышли ребята во двор. Что делать?

– Давайте что-нибудь из снега сделаем, – предложил Коля. – Я, например, думаю настоящего Снеговика вылепить.

– Правильно, – поддержал Саша. – Я медведя белого сделаю.

Женя подумала и придумала:

– У меня слон будет. Небольшой. С хоботком.

Катя, самая маленькая, сказала:

– А я буду зайчика лепить.

И пошла работа! Сначала ребята накатали из липкого снега большие шары, потом каждый стал своё лепить – кто что задумал.

Раньше всех Коля своего Снеговика закончил. Замечательный получился Снеговик: с метлой в руке, с ведром на голове.

У Саши белый мишка вышел, как живой, с палкой-клюкой в лапах.

Женя небольшого слона сделала. С хоботком.

А самая маленькая, Катя, лепила-лепила, но так и не получился у неё зайчик... Кучка снега – и всё.

Когда все налюбовались на свою работу, Коля сказал:

– Давайте ещё лепить. Я, например, хочу Деда Мороза сделать.

– А я – Снегурочку, – крикнул Саша.

Женя подумала и придумала:

– Я построю снежный домик с ледяными окошками.

А самая маленькая, Катя, тихо сказала:

– А я буду зайчика лепить.

Вот и новые фигуры на дворе появились.

У Коли очень хороший Дед Мороз вышел: с белой бородой и зелёной ёлочкой в руке.

Рядом с Дедом Морозом Саша свою Снегурочку поставил. У Снегурочки ледяной кокошник и косы длинные до земли.

Женя для Бобика прекрасный домик построила: с печкой, с высокой трубой и прозрачными ледяными окошками.

А самая маленькая, Катя, лепила-лепила зайчика, а он вдруг упал и рассыпался...

От работы покраснелись ребята. Чем дальше, тем больше хочется сделать.

– Я ракету строю! – кричит Коля.

– Я – спутник! – кричит Саша.

Женя сразу придумала:

– А у меня космонавт будет. В скафандре.

А самая маленькая, Катя, не плакала, только чуть слышно прошептала:

– А я... я буду зайчика лепить...

Спутник готов! На стартовой площадке стоит Колина ракета.

А самая маленькая, Катя, ещё не успела сделать своего зайчика. У него ещё нет ног, нет хвостика, нет длинных ушей. Только есть живот и голова.

Вон сколько интересных вещей из снега получилось!

Но устали ребята, надо отдохнуть.

– Лепить больше не будем. Пошли в снежки играть! – предложил Коля.

– Лучше на лыжах кататься, – сказал Саша.

– По-моему, лучше всего идти на горку, на санках спускаться, – придумала Женя.

И все решили покататься на лыжах, поиграть в снежки и с горки на санках съехать.

А самая маленькая, Катя, сказала:

– Я не пойду с вами...

И так, чтобы никто не слышал, про себя добавила: «Я буду зайчика лепить».

Поиграли ребята в снежки, покатались на лыжах, спустились на санках с горки и, когда вернулись во двор, вдруг увидели чудесного пушистого зайчика с белыми ушами, длинными ногами и коротеньким хвостиком. И весь зайчик – из снега.

Его самая маленькая, Катя, вылепила.

Девочка Снегурочка

В. Даль

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек, да и говорит:

– А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала, да и говорит:

– Что ж будешь делать – нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снега в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики – пищит что-то в горшочке под ветошкой: они к окну – глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

– Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, ну старуха скорее пить да кроить, а старик завернул Снегурочку в полотенечко, стал её нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам – да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё пло у стариков, как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, так и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

– Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушек погреться!

Жучка, весь день в лесу пробежавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

– Иди, – говорит, – куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старуха да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягоды. Старики и слышать не

хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок собрать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девочки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про всё и позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аюкаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод набрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать – никто ей не откликается.

Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того запуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! Ау!».

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

– О чём, девица, плачешь, о чём, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

– Слезай, – сказал медведь, – я тебя домой доведу!

– Нет, медведь, – отвечала девочка Снегурочка, – я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Медведь ушёл.

Бежит серый волк:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

– Слезай, я доведу тебя до дому! – сказал волк.

– Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

– Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

– Нет, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя – ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева её сманивать, а девочка не идёт.

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, в лес завели, да и покинули. Хотел меня медведь увести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась, а с тобой, Жучка, пойду!

Вот, как услышала лиса собачий лай, так махнула пупырьком своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет. Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не приступается. Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Смеянцы

Г. Сапги

В стране Хохотании
Жили смеянцы.
Любили смеянцы
Веселье и танцы,
И просто смеяться
Любили смеянцы.
Пусть слово не ново
И шутка стара —
Смеяться готовы
Они до утра.

Признаться, порою
Бывало и так:
Глядят друг на друга,
Смеются в кулак.

— Да что в нём смешного,
В соседе твоём?
— Нам просто приятно
Смеяться вдвоём.

А если кто падал
И ушибался, —
Не хныкал,
Не плакал,
Вставал
И смеялся.

Смеянцы трудиться
Любили,
По будням они
Мастерили
Из каждой шутки –
Дудки,
Из каждой улыбки –
Скрипки,
А из самого громкого
Хохота –
Барабаны,
Полные грохота!

И каждое воскресенье
Смеянки пекли печенье
Из хорошего
Настроения.

Так жили смеянцы,
Не зная забот,
НО ВОТ...

В страну Хохотанию
Прибыл Дракон.
На трёх самолётах
Пожаловал он.

Над Смехоградом ударил гром:
Дракон опустился
На смеходром.

Солидный дракон,
Трёхголовый,
Блестит
Чешуёю лиловой.

Сбежались смеянцы:
– Скажите, откуда
Такое смешное,
Нелепое чудо? –
Дымом дохнули
Три головы:
– Слушайте,
Вы!
Отныне,
Смеянцы,
Смеяться не смейте,
Иначе вы будете
Преданы смерти!

Испепелю!
Моё слово – закон.
Я, как известно,
Ужасный Дракон –

Смеются смеянцы
Дракону в ответ:

– Драконов на свете
Давно уже нет!
– Да разве такие
Драконы бывают?

– И вовсе не так
Они рты разевают!
– Какой там дракон –
Трёхголовый жираф!

– Хо-хо,
Да ведь это
Пожарный рукав!

– Хе-хекс,
Трёхголовый?!

– Ха-ха,
Это ж чайник
Из племени чайников
Необычайных!..

И криком и смехом
Совсем заглушён,
– Но я же дракон! –
Убеждает Дракон.
– Ты уж!
– Ты лягушка! –
Дракон разозлился.
Как жаркая печка,
Дракон раскалился...

И тут бы, наверно,
Случилась беда.
Но...
Вспыхнул Дракон
И сгорел без следа.

Со злости сгорел,
Да.

Над городом смеха
Весёлое эхо
И шуткам,
И песням
Звучало в ответ:
– Драконов, Драконов,
Лиловых, зелёных,
Огромных
И страшных
Давно уже нет!

И ласточки в небе
Затеяли танцы.
В стране Хохотании
Жили смеянцы.

Крокодил Гена и его друзья

Э. Успенский

(отрывок)

1

Галию Чебурашка и Гена застали дома. Она лежала в кровати и плакала.

– Я заболела, – сообщила она друзьям. – У меня температура. Поэтому сегодня в детском театре сорвётся спектакль. Ребята придут, а спектакля не будет.

– Спектакль будет! – гордо произнёс крокодил. Я заменю тебя. (Когда-то в юности он занимался в театральном кружке.)

– Правда? Это было бы здорово! Сегодня идёт «Красная Шапочка», и я играю внучку. Ты помнишь эту сказку?

110

– Конечно, помню!

– Ну вот и прекрасно! Если ты хорошо сыграешь, никто не заметит подмены. Талант делает чудеса!
И она вручила крокодилу свой красненький беретик.

2

Когда ребята пришли в театр, они увидели очень странный спектакль. На сцене появился Гена в красной шапочке. Он шёл и напевал:

По улицам ходила
Большая крокодила...

Навстречу ему вышел серый волк.

– Здравствуй, Красная Шапочка. Куда это ты направляешься? – произнёс он заученным голосом и остолбенел.

– Да так просто. Гуляю.

111

- Может быть, ты идёшь к своей бабушке?
– Да, конечно, – спохватился крокодил. – Я иду к ней.
– А где живёт твоя бабушка?
– Бабушка? В Африке, на берегу Нила.
– А я был уверен, что твоя бабушка живёт вон там, на опушке.

– Совершенно верно! Там у меня тоже живёт бабушка, двоюродная. Я как раз собирался зайти к ней по дороге.

- Ну что же, – сказал волк и убежал.

Дальше он, как положено, прибежал к домику, съел бабушку Красной Шапочки и лёг вместо неё в кровать.

Гена в это время сидел за сценой и перечитывал забытую сказку. Наконец он тоже появился около домика.

– Здравствуйте, – постучал он в дверь. – Кто здесь будет моя бабушка?

- Здравствуйте, – ответил волк. – Я ваша бабушка.

– А почему у тебя такие большие уши, бабушка? – спросил крокодил на этот раз правильно.

- Чтобы лучше тебя слышать.

– А почему ты такая лохматая, бабушка? – Гена снова забыл свои слова.

– Да всё некогда побриться, внученька, забегалась я... – разозлился волк и спрыгнул с кровати. – А сейчас я тебя съем!

– Ну это мы ещё посмотрим! – сказал крокодил и бросился на серого волка. Он настолько увлёкся событиями, что совсем забыл, где находится и что ему положено делать.

Серый волк в страхе убежал, дети были в восторге.

Они никогда не видели такой интересной «Красной Шапочки».

Фантазёр

А. Дуйсенбиев

Говорят, что небылица...
Ну, а если я, как птица,
Взмою к облаку сейчас,
Значит, правда мой рассказ?

Как-то летом
Пас я стадо
Мух рогатых в сто голов:
Слышу – тихо что-то стало.
Вижу – нет моих волов.
Призадумался я крепко.
И бегом – вперёд, назад...
А они сидят на ветках,
С яблонь щиплют виноград.

И решил: «Ну вот и ладно» —
И, вскочив на комара,
Полетел стрелой с жайляу —
Было ужинать пора.
Удивительный на вкус
Дома ждал меня арбуз —
Тот, который в зимний зной
От жары я спас водой!..

Кстати, кит,
Домашний кит,
Что на дне арыка спит,
Как проснётся — улыбнётся
И... всё это подтвердит.

Говорят, что небылица...
Ну, а если я, как птица,
Взмою к облакам сейчас,
Значит, правда мой рассказ?

Плыла в облачках
Вобла в очках,
Листала журнал с интересом.
Вдруг видит — рассказ!
О воблах как раз

Писал знаменитый профессор:
Что воблы не могут
Плыть в облачках,
Что воблы вообще
Не бывают в очках,
Что вобла с журналом,
в очках —

Это вздор,
И верить подобному вздору —
Позор!
И Вобла решила
По небу не плыть
И даже очки
Перестала носить,

И больше журналов
Она не читает –
Обидно читать,
Что тебя не бывает!

...бы

В. Драгунский

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо бы, если всё вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные, и взрослые должны были бы их во всём, во всём слушаться. В общем, чтобы взрослые были как дети, а дети как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень было бы интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командую ею как хочу, да и папе, небось, тоже бы «понравилось», а о бабушке и го-

ворить нечего. Что и говорить, я всё бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

«Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот ещё новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! – и она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команды: – Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Всё решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!».

И тут вошёл бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

«Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мои руки сейчас же! Как следует, как следует мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щёткой три и не жалея мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти. Это просто когти! Где ножницы? Не дёргайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка... Вот так. Теперь садись к столу».

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

«Ну как поживаешь?».

А она бы сказала тоже тихонько:

«Ничего, спасибо!».

А я бы немедленно:

«Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило! Папа! Положи сейчас же газету, наказание ты моё!».

И они сидели бы у меня как пёлковые, а уж когда бы пришла бабушка, я бы прищурился, всплеснул руками и заголосил:

«Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на нашу бабуленьку! Какой вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щёки крас-

ные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккей гоняла? А это что за грязная палка? Ты зачем её в дом приволокла? Что? Это клюшка? Убери её сейчас же с моих глаз – на чёрный ход!».

Тут я бы прошёлся по комнате и сказал бы им всем трём:

«После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!». Конечно, они бы сейчас же заныли и захныкали:

«И мы с тобой! И мы тоже хотим в кино!».

А я бы им:

«Нечего, нечего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк водил! Ишь! Понравилось развлекаться каждый день. Дома сидите! Натё вам вот тридцать копеек на мороженое, и всё!».

Тогда бы бабушка взмолилась:

«Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребёнок может провести с собой одного взрослого бесплатно!».

Но я бы увильнул, я сказал бы:

«А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещён. Сиди дома, гулёна!».

И я бы прошёлся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками, как будто я не замечаю, что у них у всех глаза мокрые, и я стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого ещё хуже бы мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы...

Но я не успел придумать, что бы я сказал, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая и сказала:

– Ты ещё сидишь? Ешь сейчас же, посмотри, на кого ты похож! Вылитый Кощей!

Разговор о маме

Н. Сако

От чистого сердца,
Простыми словами
Давайте, друзья,
Потолкуем о маме.
Мы любим её,
Как хорошего друга,
За то, что у нас
С нею всё сообща,
За то, что когда
Нам приходится туго,
Мы можем всплакнуть
У родного плеча.
Мы любим её и за то,
Что порою
Становятся строже
В морщинах глаза.
Но стоит с повинной
Прийти головою –
Исчезнут морщинки,
Умчится гроза.
За то, что всегда
Без утайки и прямо
Мы можем доверить
Ей сердце своё.
И просто за то,
Что она – наша мама,
Мы крепко и нежно
Любим её.

У. Турманжанов

О, если б пчелою однажды мне стать,
Без устали садом тенистым летать,
Душистый нектар из цветов собирать,
Работать, не чувствуя ветра и зноя,
Чтоб маме потом этот мёд принести,
Сказать ей: «Пожалуйста, мама, прости,
Скажи мне, могу ли я чем возместить
Все ночи и дни твоего покоя?».

О, если б чинарой раскидистой стать,
Полмира ветвями своими обнять,
Чтоб путник усталый присел отдыхать
Под этой чинарой ветвистой, густою,
Чтоб мама в моей укрывалась тени,
Чтоб мог я сказать ей: «Ты, мама, усни!
Быть может, хоть этим украшу я дни
И ночи тревог твоего покоя?».

О, если б таким человеком мне стать,
Чтоб радость труда довелось испытать,
Чтоб дружбу людскую пришлось мне познать
И мама родная гордилась бы мною.
Чтоб голову мог я пред нею склонить,
Чтоб мог я её от беды защитить,
На плечи свои чтобы мог я взвалить
Все дни и все ночи её покоя.

Н. Сладков

1

Увидела Сорока первую проталину – тёмное пятнышко
на белом снегу.

– Моя! – крикнула. – Моя проталина, раз я первая её
увидела!

На проталине семена, жучки-паучки копошатся, ба-
бочка-лимонница лежит на боку – отогревается. У Соро-
ки глаза разбежались, уж и клюв разинула, да откуда ни
возьмись Грач.

– Здр-расте, уже явилась! Зимой по вороньим помойкам
шастала, а теперь на мою проталину! Некрасиво!

– Это почему же она твоя? – застрекотала Сорока. – Я
первая увидела!

– Ты увидела, – гаркнул Грач, – а я о ней всю зиму меч-
тал. За тыщу вёрст к ней торопился! Ради неё тёплые края
покинул. Где проталины, там и мы, грачи. Моя проталина!

– Что он тут каркает! – затарахтела Сорока. – Всю зиму на юге грелся-нежился, ел-пил что хотел, а я всю зиму мёрзла, с помойки на свалку металась, вместо воды снег глотала и вот, чуть живая, слабая, высмотрела наконец проталину, так и ту отнимают. Ты, Грач, как вижу, только на вид тёмный, а сам себе на уме. Кыш с проталины, пока в темя не клюнула!

Прилетел на шум Жаворонок, огляделся, прислушался и защебетал:

– Весна, солнце, небо ясное, а вы ссоритесь. И где – на моей проталине! Не омрачайте мне радость встречи с ней. Я жажду песен!

Сорока и Грач только крыльями всплеснули:

– Почему же она твоя? Наша это проталина, мы нашли. Сорока всю зиму её ждала, все глаза проглядела. А я, может, так торопился к ней с юга, что чуть крылья в пути не вывихнул.

– А я родился на ней! – пискнул Жаворонок. – Если поискать, так тут ещё и скорлупки от яичка, из которого я вылупился, можно найти! Вспомню, бывало, зимой на чужбине гнездо родное – и петь неохота. А сейчас песня так и рвётся из клюва – даже язык дрожит.

Вспрыгнул Жаворонок на кочку, глаза прижмурил, горлышко у него задрожало – и полилась песня, как весенний ручей: зазвенела, забулькала, зажурчала.

Сорока и Грач клювы разинули – заслушались.

Им-то никогда так не спеть, горло у них не то, только и могут, что стрекотать да каркать.

2

Долго бы, наверное, слушали, разомлев на вешнем солнышке, да дрогнула вдруг под ногами земля, вспучилась бугорком и рассыпалась.

122

И выглянул Крот – зашмыгал носом.

– Никак, я прямо в проталину угодил? Так и есть: земля мягкая, тёплая, снега нет. И пахнет... Уф! Весной, что ли ча, пахнет? Весна, что ли ча, у нас наверху?

– Весна, весна, землерой! – сварливо закричала Сорока.

– Знал, куда угодить! – подозрительно буркнул Грач. – Хоть и слепой...

– Тебе-то зачем наша проталина? – проскрипел Жаворонок.

Крот принюхался к Грачу, к Сороке, к Жаворонку – глазами-то он худо видит! – чихнул и говорит:

– Ничего мне от вас не надо. И проталина ваша мне не нужна. Вот землю вытолкну из норы и – назад. Потому что, чую, погано у вас. Ссоритесь, чуть не дерётесь. Да ещё и светло, сухо, воздух свежий. Не то что у меня в подземелье: темно, сыро, затхло. Благодать! Ещё и весна у вас тут какая-то...

– Как ты можешь так говорить? – ужаснулся Жаворонок. – Да знаешь ли ты, землерой, что такое весна!

– Не знаю и знать не хочу! – фыркнул Крот. – Не нужна мне никакая весна, у меня под землёй круглый год одинаково.

– Весной проталины появляются, – мечтательно сказали Сорока, Жаворонок и Грач.

– А на проталинах скандалы начинаются, – снова фыркнул Крот. – А ради чего? Проталина как проталина.

– Не скажи! – подскочила Сорока. – А семена? А жуки? А ростки зелёные? Всю зиму без витаминов.

– Посидеть, походить, размяться! – гаркнул Грач. – Носом в тёплой земле порыться!

– А петь-то как над проталинами хорошо! – взвился Жаворонок. – Сколько в поле проталин – столько в небе и

123

жаворонок. И все поют! Нет весной ничего лучше проталины.

– А чего тогда спорите? – не понял Крот. – Жаворонок хочет петь – пусть поёт. Грач хочет маршировать – пусть марширует.

– Правильно! – сказала Сорока. – А я пока семенами и жуками займусь...

Тут снова начались крики и перебранка.

А пока кричали и ссорились, в поле новые проталины появились.

Разлетелись птицы по ним весну встречать. Песни петь, в тёплой земле порыться, червячка заморить.

– Пора и мне! – сказал Крот. И провалился туда, где ни весны, ни проталин, ни солнца и ни луны, ни ветра и ни дождя. И где даже спорить не с кем. Где всегда темно и тихо.

Последний снег

К. Баянбаев

Весна.
Пасётся скот на склонах,
И вдруг внезапно, как набег,
Промчит среди холмов зелёных
За тучи прятавшийся снег.
Но не вернуть морозов
Прежних,
Хотя опять бело кругом.
К утру разбуженный
Подснежник
Слизнёт снежинки
Лепестком.

Улыбается подснежник

У. Турманжанов

Посмотри, как на полянке
Из-под снега, робкий, нежный,
Под весенним солнцем ярким
Вдруг проклюнулся подснежник.

Не цветок – бутон пушистый,
Стебелёк один упругий.
Вот пустил он первый листик,
Будто подал руку другу.

Будто подал руку солнцу,
Будто «здравствуй» шепчет миру.
Так дитя порой проснётся
И смеётся шаловливо.

Как дитя, цветок проснулся,
Головой тряхнул кудрявой,
Потянулся, улыбнулся,
Лепестки свои расправил.

Пусть над миром дождик сеет,
Пусть над миром ветер веет –
Будет он расти смелее,
Будет он расти быстрее.

Посмотри, как чист и нежен,
Весь весенним полон духом,
Улыбается подснежник –
Наклонись к нему, понюхай.

Это самый сладкий запах –
В нём и свежесть, в нём и нега,
Жизнь цветка, что к нам без страха
Пробивался из-под снега.

Ну, а если ты захочешь
Унести с собой подснежник,
Станет грустно очень-очень
На поляне этой снежной.

Ты цветку не делай больно –
Он завянет неизбежно.
Пусть в лесу на вольной воле
Улыбается подснежник.

Пусть весна наступит снова,
А за нею вскоре – лето!
После первенца лесного
Вся земля в цветы одета!

Долго шла весна тайком
От ветров и стужи,
А сегодня – прямоком
Шлёпает по лужам.

Гонит талые снега
С гомоном и звоном,
Чтобы выстелить луга
Бархатом зелёным.

«Скоро, скоро быть теплу!»
Эту новость первой
Барабанит по стеклу
Серой лапкой верба.

Скоро тысячи скворцов
С домиком подружат,
Скоро множество птенцов
Выглянут наружу.

Тучи по небу пройдут,
И тебе впервые
На ладошку упадут
Капли дождевые.

Апрельские шутки

Н. Сладков

Любит пошутить этот Апрель. Взял нынче и прикинулся на первое апреля зимой. Снегу высыпал, морозом ударил.

Скворцы и грачи, что с юга уже прилетели, испугались. Плохо дело: надо назад заворачивать.

Услыхал про то Апрель и перетрусил. «Что ж я, — думает, — за Апрель, что за весенний месяц, коли всех птиц разогнал?»

Давай кричать:

— Эй, птицы перелётные! Не бойтесь, не улетайте! Я пошутил. Я вас просто с первым апреля надул! Я весенний, не зимний! Сейчас снегопад остановлю, морозы прогоню. Потом за снега возьмусь, потерпите!

Легко сказать: потерпите. А есть что?

Ой, не твёрдое апрельское слово!

Не серьёзный это месяц, весенний. Всё бы ему шутить да обманывать. Не только на первое апреля может обмануть, но даже и на пятнадцатое, а то и на двадцатое. Ему — шутки, а лесным птицам и зверям — горе.

Но, спасибо, юннаты помогают. Скворечники и дуплянки развесили. Голодных подкормят, замёрзших отогреют, слабых поддержат — тех, кто к человеческому жилью в непогоду жмётся.

Апрель тоже не одни шутки шутит, но и дело делает. Снега растопляет, льды взламывает, землю прогревает. Большое дело делает. Нешуточное.

На лесной полянке. Весна

Г. Скребицкий

(Из книги «Весёлые ручьи»)

Пригрело весеннее солнце. На лесной полянке начал таять снег. А прошёл ещё день-другой — и его вовсе не осталось. С пригорка по ложбинке побежал весёлый ручеёк, наполнил до краёв большую глубокую лужу, перелился через край и дальше в лес побежал.

Опустели зимние квартиры в старом пне. Выбрались из-под коры жучки и букашки, расправили крылышки и полетели кто куда. Выполз из трухи длиннохвостый тритон. Проснулась ящерица, выбралась из норки на самый пенёк,

уселась на солнышко погреться. И лягушки тоже от зимнего сна очнулись, запрыгали к луже – и бултых прямо в воду.

Вдруг под кучей хвороста что-то зашуршало, завозилось, и вылез оттуда ёж. Вылез сонный, взъерошенный. На иголках – сухая трава, листья. Выбрался ёжик на пригорочек, зевнул, потянулся и начал с колючек сор очищать. Трудно ему это сделать: лапки у него коротенькие, до спинки никак не достанет. Обчистился немножко, потом уселся поудобнее и принялся языком брюшко вылизывать. Помылся, почистился ёжик да и побежал по полянке искать себе еду. Теперь ему, жуки, червяки и лягушки, лучше не попадайтесь: теперь ёжик голодный, сразу поймает и съест.

Ожил под тёплым весенним солнцем и огромный лесной дом – муравейник. С рассвета и до темна хлопочут муравьи, тащат в муравейник то травинку, то сосновую иголку.

Вместо зимних квартир теперь на полянке появились новые – весенние.

Прилетели птицы. Сели на ветки и стали всё кругом оглядывать. Потом одна из них слетела вниз на землю, схватила в клюв сухую травинку и положила в ямочку возле пня. И другая птичка тоже к ней подлетела, и стали они вместе строить гнездо.

Родная степь

С. Муканов

Снег в степи начинает таять в первой половине апреля. Талые воды задерживаются в небольших впадинах и образуют круглые озёра. В солнечные дни эти озёра блестят в степи, как блюдца на большой зелёной скатерти.

В жаркие летние дни горячий воздух над степью как будто трепещет. Посмотришь на дальние аулы, стога сена, отары овец и, кажется, что они плывут.

В дождливые дни травы в степи растут высокие и густые. Пробежит в них резвый жеребёнок – и не увидишь его. Овраги зарастают ковылём. В густых зарослях ковыля гнездятся жаворонки. С восходом солнца поднимаются они высоко в небо и звенят, звенят... Жаворонков называют у нас «соловьями степи».

А ковыльные балки! Они как будто насквозь пропахли земляникой. Земляника – единственная ягода, которая растёт в степи. Какая она душистая и вкусная! Заберёшься в густой ковыль, раздвинешь в разные стороны его стебли, и перед глазами откроется бесчисленное множество крупных розовых ягод.

Трудно тогда оторваться от этого вкусного угощения!

Что такое хорошо и что такое плохо

Потому что я – человек

В. Сухомлинский

Вечерело. По дороге шли два путника – отец и сын, семилетний ребёнок. Посреди дороги лежал камень. Отец не заметил камень, споткнулся, ушиб ногу. Ему стало больно. Кряхтя, он обошёл камень и, взяв за руку ребёнка, пошёл дальше.

На второй день отец с сыном шли по той же дороге обратно. Отец забыл о камне. Он опять не заметил камень, опять споткнулся и ушиб ногу.

На третий день отец и сын снова шли по той же дороге. До камня было ещё далеко. Отец сказал сыну:

– Смотри внимательно, сын. Надо обойти камень.

Вот и то место, где отец дважды споткнулся и ушиб ногу. Отец с сыном замедлили шаг, но камня уже не было.

На обочине дороги сидел седой старик.

– Дедушка, – спросил мальчик, – вы не видели здесь камня?

– Я убрал его с дороги.

– Вы тоже споткнулись и ушибли ногу?

– Нет, я не споткнулся и не ушиб ногу.

– Почему же вы убрали камень?

– Потому что я – человек.

В автобусе

Т. Кажигаев

Арман и Аян живут в центре города в большом пятиэтажном доме. Оба учатся во втором классе и вместе ходят в школу. Однажды, когда они, как обычно, ехали в автобусе

се в школу, на одной из остановок в салон, кряхтя, влезла старушка с кошелками, полными разной снеди и овощей.

Аян тут же соскочил с места, подошёл к бабушке и вежливо предложил:

– Садитесь, пожалуйста.

Арман же сделал вид, что засмотрелся в окно.

Через две остановки бабуля засобиралась выходить, пошарила в одной из сумок и извлекла оттуда два душистых румяных яблока. Протянула Аяну и сказала:

– Возьми, золотко!

– Что вы, спасибо, не надо, – смутился Аян.

– Я ведь тебя угощаю не за то, что ты мне место уступил, а за доброту твою. Кушай на здоровье, внучек.

До школы оставалось совсем немного. Аян так и светился, будто у него внутри засияла яркая лампочка. Яблоко, которое он с аппетитом уплетал, таяло на глазах. Второе он отдал Арману, но тому кусок в горло не лезет: нахмурился, задумался о чём-то, даже по сторонам не смотрит.

С чего бы это?

Вредные советы

Г. Остер

Когда состаришься, ходи
По улицам пешком.
Не лезь в трамваи – всё равно
Стоять придётся там.
И нынче мало дураков,
Чтоб место уступать,
А к тем далёким временам
Не станет их совсем.

В. Осеева

По улице шли мальчик и девочка. А впереди них шла старушка. Было очень скользко. Старушка поскользнулась и упала.

– Подержи мои книжки! – крикнул мальчик, передал девочке свою сумку и бросился на помощь старушке. Когда он вернулся, девочка спросила его:

– Это твоя бабушка?

– Нет, – ответил мальчик.

– Мама? – удивилась подружка.

– Нет!

– Ну, тётя? Или знакомая?

– Да нет же, нет! – ответил ей мальчик. – Это просто старушка.

Тайное становится явным

В. Драгунский

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

– ...Тайное всегда становится явным.

И, когда она вошла в комнату, я спросил:

– Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

– А это значит, что если кто поступает нечестно, всё равно про него узнают, и будет ему очень стыдно, и он понесёт наказание, – сказала мама. – Понял? Ложись-ка ты спать!

Я почистил зубы, лёг спать, но не спал, а всё время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это ещё терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

– Ешь! – сказала мама. – Безо всяких разговоров!

Я сказал:
– Видеть не могу манную кашу!
Но мама закричала:
– Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей!
Ешь. Ты должен поправиться.

Я сказал:
– Я ею давлюсь!..
Тогда мама села со мной рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:

– Хочешь, пойдём с тобой в Кремль?
Ну ещё бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный.

И ещё там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:

– Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!
Тогда мама улыбнулась:

– Ну вот, съешь всю кашу, и пойдём. А я пока посуду вымою. Только помни – ты должен съесть всё до дна!

И мама ушла на кухню.
А я остался с кашей наедине. Я пошлёпал её ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Ещё хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.

А она к тому же была густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил её. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Всё равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! Ведь в Кремль-то хочется! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти всё можно съесть!

Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли, и остановилось дыхание, и я, наверное, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.

В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:

– Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идём на прогулку в Кремль! – и она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошёл милиционер. Он сказал:

– Здравствуйте! – и подошёл к окну, поглядел вниз. – А ещё интеллигентный человек!

– Что вам нужно? – строго спросила мама.
– Как не стыдно? – милиционер даже стал по стойке «смирно».

– Государство предоставляет вам новое жильё, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!

– Не клеветите. Ничего **я** не выливаю!

– Ах, не выливаете?! – язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул:

– Пострадавший! Пожалуйте, сюда!

И к нам вошёл какой-то дяденька.

Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль **я** не пойду.

На голове у дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошёл, сразу стал заикаться.

– Главное, **я** иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм...манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжёт... Как же **я** пошлю своё фото... когда **я** весь в каше?!

Тут мама посмотрела на меня, и глаза у неё стали зелёные, как крыжовник. А уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась.

– Извините, пожалуйста, – сказала она тихо, – разрешите, **я** вам почищу, пройдите сюда!

И они все трое вышли в коридор.

А когда мама вернулась, мне даже страшно было на неё взглянуть. Но **я** себя пересилил, подошёл к ней и сказал:

– Да, мама, ты вчера правильно сказала. Тайное всегда становится явным!

Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:

– Ты это запомнил на всю жизнь?

И **я** ответил: – Да.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани за верхним наличником в тёплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать, что такое мир и годится ли он для него.

– Что, что? – спрашивала его воробьиша-мать.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

– Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудик и хвалился:

– Чив ли **я**?

Мать-воробьиша одобряла его:

– Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал:

«Чем чванятся! Червяка с ножками дали – чудо!».

И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

– Чадо, чадо, – беспокоилась мать, – смотри, чебурахнешься.

– Чем, чем? – спрашивал Пудик.

– Да не чем, а упадёшь на землю, кошка – чик! И слопаёт! – объяснил отец, улетаая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер. Пудик спрашивает:

– Что, что?

– Ветер дунет на тебя – чирк! – и сбросит на землю кошке! – объяснила мать.

Это не понравилось Пудик, и он сказал:

– А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет...

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил – он любил объяснять всё по-своему.

Идёт мимо бани мужик, махает руками.

– Чисто крылья ему оборвала кошка, – сказал Пудик, – одни косточки остались.

– Это человек, они все бескрылые! – сказала воробья.

– Почему?

– У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

– Зачем?

– Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

– Чушь! – сказал Пудик, – чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать на земле хуже, чем в воздухе? Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что, если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

– Эй, бескрылый человек,
У тебя две ножки.
Хоть и очень ты велик, –
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам я мошек ем.

Пел, пел – и вывалился из гнезда, а воробья за ним, а кошка рыжая, зелёные глаза – тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирикает:

– Честь имею, имею честь...

А воробья отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали – страшная, храбрая, клюв раскрыла, в глаз кошке целит.

– Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети...
Страх приподнял с земли воробышку; он подпрыгнул,
замахал крыльями – раз-раз, и – на окне!

Тут и мама подлетела – без хвоста, но в большой радости,
села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

– Что, что?

– Ну, что ж! – сказал Пудик. – Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, зелёные глаза – и сожалительно мяукает:

– Мя-аконький такой воробышек, словно мы-ышка, мя-увы...

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста.

Божья коровка

А. Усачёв

Гуляла за городом Божья коровка,
По стеблям травинок карабкалась ловко,
Глядела, как в небе плывут облака...
И вдруг опустилась Большая Рука.

И мирно гулявшую Божью коровку
Засунули в спичечную коробку.

Коровка ужасно сердилась сначала,
Мычала и в стены коробки стучала.
Но тщетно!
Забыли о ней в коробке,
Закрыли коровку в шкафу, в пиджаке.

Ах, как тосковала в коробке бедняжка!
Ей снилась лужайка. И клевер, и кашка.
Неужто в неволе остаться навек?
Коровка решила готовить побег!

Три дня и три ночи рвалась она к цели.
И вот, наконец, вылезает из щели...
Но где же деревья, цветы, облака?
Беглянка попала в карман пиджака.

Однако она, не теряя надежды,
Бежит на свободу из душной одежды –
Там солнце, и ветер, и запахи трав...
Но вместо свободы увидела шкаф.

Тоскливо и страшно Божьей коровке:
Опять она в тёмной, пустынной коробке.
Вдруг видит: вверху, где вставляется ключ,
В темницу сквозь щель пробивается луч!

Скорее на волю! Коровка отважно,
Зажмурясь, штурмует замочную скважину...

И вновь очутилась в глухом коробке
С огромною люстрой на потолке.

– О, Боже! – взмолилась несчастная крошка
И вдруг увидала за шторой окошко.
А там, за окном, всё от солнца светло.
Но к свету её не пускает стекло.

Однако коровка на редкость упряма:
Нашла, где неплотно захлопнута рама, –
И вот вылезает она из окна...
Ура!
Наконец на свободе она!

И вновь на знакомой лужайке букашка,
Под нею, как прежде, колышется кашка,
Над нею плывут в вышине облака...

Но смотрит на мир осторожно коровка:
А вдруг это тоже большая коробка,
Где солнце и небо внутри коробка?

СОДЕРЖАНИЕ

Наша Родина – Казахстан

У. Турманжанов. Родина.....	3
Е. Утетлеуов. Дедушка Алатау	3
С. Мауленов. О, степь моя!.....	5

Закружилась листва золотая

Е. Трутнева. Улетело лето	6
Осиновый лес (По И. Соколову-Микитову)	7
А. Майков. Осень	8
Е. Благина. Улетают, улетели... ..	9
А. Плещеев. Скучная картина	10
Н. Сладков. Осень на пороге	11
И. Соколов-Микитов. Листопадничек	11

Устное народное творчество

Песенки.....	15
Потешки	16
Загадки	16
Пословицы.....	17

Сказки

Девочка и лиса. Русская народная сказка	18
Хаврошечка. Русская народная сказка	20
Заяц-хвостун. Русская народная сказка	24
Почему верблюд оглядывается, когда пьёт. Казахская народная сказка	25
Упрямые козы. Узбекская народная сказка	27
Петух и павлин. Казахская народная сказка	28
Нужда научит. Болгарская народная сказка	29
Три дочери. Татарская народная сказка	31

Волшебный ларец

<i>Х.К. Андерсен.</i> Ромашка	33
<i>А. Толстой.</i> Золотой ключик, или Приключения Буратино	38
<i>О. Туманян.</i> Лжец	43

Отчего и почему?

<i>Ю. Мориз.</i> Это очень интересно.....	44
<i>Д. Родари.</i> Почему попугай говорит?	45
<i>Д. Родари.</i> Для чего нужны слёзы?	45
<i>Р. Киплинг.</i> Отчего у верблюда горб	47
<i>М. Алимбаев.</i> Почему кошка умывается	50
<i>Б. Заходер.</i> Что красивей всего?	54
<i>С. Чёрный.</i> Скрут.....	56
<i>Д. Хармс.</i> Что это было?	57
<i>И. Токмакова.</i> Где спит рыбка	57
<i>В. Лунин.</i> О чём грустят кораблики?	58

Я и мои товарищи

Букет цветов (По Г. Георгиу)	59
Под грибом. Сказка (По В. Сутееву)	60
<i>Е. Пермяк.</i> Мой мяч	61
<i>Л. Толстой.</i> Два товарища	63
До первого дождя (По В. Осеевой)	64
<i>Н. Артюхова.</i> Подружки.....	65
Заячьи слёзы. Русская народная сказка	69

Чудесной зимней сказкой нам кажется зима

<i>З. Александрова.</i> Снежок.....	74
<i>В. Хмельницкий.</i> Снег и скрипка.....	74
<i>В. Нестеренко.</i> Снежинка	75
<i>И. Соколов-Микитов.</i> Зимний лес	75
<i>А. Дуйсенбиев.</i> Зима в лесу	76
<i>В. Чаплина.</i> Лесная кормушка	77
<i>Н. Сладков.</i> Суд над Декабрём	79
<i>С. Михалков.</i> Лыжня и пенёк	81
<i>М. Алимбаев.</i> Санки.....	82